

57. Polevoj V. M. *Iskusstvo Grecii. Srednie veka*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1973, 352 p.
58. Polyakovskaya M. A., Chekalova A. A. *Vizantiya: byt i nray. Sverdlovsk, Ural'skiy universitet Publ.*, 1989, 301 p.
59. Rajs D. T. *Iskusstvo Vizantii*. Moscow, Slovo Publ., 2002, 256 p.
60. Repnikov N. I. Eski-Kermen v svete arheologicheskikh razvedok 1928-1929 gg. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury*, 1932, T. XII, pp. 107-152.
61. Rostovcev M. I. *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na yuge Rossii*. St-Petersburg, 1914, T. 1. Opisaniye i issledovaniye pamyatnikov, 537 p.
62. Ryzhov S. G. Novye dannye o «Bazilike v bazilike». *Antichnyj mir. Vizantiya*. Har'kov, Biznes Inform Publ., 1997, pp. 290-300.
63. Sorochan S. B. *Vizantijskij Herson (vtoraya polovina VI — pervaya polovina II vv.). Ocherki istorii i material'noj kul'tury*. Har'kov, Majdan Publ., 2005, 1642 p.
64. Sorochan S. B. O hramovom dekore vizantijskogo Hersona i ego ehvolyucii v VI-X vekov. *Ukraina: kul'turna spadshchina, nacional'na svidomist', derzhavnist'*. L'viv, Institut ukrainoznavstva NAN Ukraini Publ., 2011, Vol. 20, pp. 603-619.
65. Tihanova M. A. *Bazilika. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, Moscow, Leningrad, 1953, Vol. 34, pp. 334-389.
66. Fomin M. V. Rannekhristianskaya zhivopis' pozdneantichnogo Hersonesa. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma*, Sevastopol, Tyumen, 2014, Vol. 6, pp. 299-389.
67. Hrushkova L. G. O nachale hristianskogo Hersonesa Tavricheskogo: krestovidnaya cerkov' na glavnom kladbishche. *Sugdejskij sbornik*, Kiev, Sudak, 2005, Vol. II, pp. 393-420.
68. Yakobson A. L. *Srednevekovyj Krym*. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964, 287 p.
69. Yakobson A. L. K izucheniyu fresok iz yuzhnogo nefa baziliki 1935 g. *Vizantijskii Vremennik*, 1980, T. 41, pp. 96-103.
70. Jastrzebowska E. Chersonese dans l'Antiquite tardive: etat de recherches et bibliographie. *Antique Tardive*, 2001, No. 9, pp. 399-418.
71. Jeffreys E., Haldon J., Cormak R. (Eds.). *The Oxford Hand Book of Byzantine Studies*. Oxford, New York, Oxford University Press, 2008, 1021 p.

Бармина Н. И.

Мозаики и фрески Мангупской базилики

Резюме

В ранневизантийской архитектуре тип базилики занял ведущее место. Для создания в храме соответствующей религиозно-эстетической ауры использовали мозаики и фрески. Исследование Мангупской базилики выявило остатки декоративного искусства, при изучении которых были применены различные методологические подходы. Обнаруженные фрагменты соотносятся с разными периодами жизни христианского сооружения. Их анализ показал сходство и отличия с изобразительными раритетами Херсона VI-X вв. Несмотря на малочисленность художественных элементов Мангупской базилики, они входят в список артефактов, раскрывающих особенности становления и развития крымской средневековой культуры.

Ключевые слова: базилика, Мангуп, мозаика, фреска, искусство, Херсон, Юго-Западный Крым.

Barmina N. I.

Mosaics and Frescoes of the Mangup Basilica

Summary

Basilica became the leading type of church in the early Byzantine architecture. Mosaics and frescoes were used to supply the church with appropriate religious and aesthetic aura. Supplementary investigation of the Mangup Basilica has revealed the remains of decorative art, which study used a variety of methodological approaches. The fragments uncovered correlated to various periods of this Christian building. Their analysis has revealed similarities and differences with the visual rarities of Cherson dated from the sixth to tenth centuries. Despite the small number of art elements of the Mangup Basilica, they form the list of artefacts uncovering the features of the formation and development of the Crimean medieval culture.

Keywords: basilica, Mangup, mosaic, fresco, art, Cherson, South-Western Crimea.

Л. Г. ХРУШКОВА

К ДИСКУССИИ О ВРЕМЕНИ СТРОИТЕЛЬСТВА МАНГУПСКОЙ БАЗИЛИКИ

Большая трехнефная базилика Мангупского городища — известный памятник византийской церковной архитектуры в Крыму, вне Херсонеса, пожалуй, самый крупный. Она изучается уже около 130 лет, однако все еще нет исследования, которое бы обобщило все многолетние наблюдения и представило полную обмерную и фотодокументацию.

История изучения базилики хорошо известна [27, с. 206, прим. 5; 17, с. 334-336]. Обстоятельные историографические обзоры содержатся в публикациях Н. И. Барминой [1; 2; 6]. Раскопки памятника в конце XIX в. были начаты под эгидой Археологической комиссии, главного археологического учреждения России на тот момент (1859-1914 гг.). За свою долгую историю Археологическая комиссия знала и успехи, и неудачи. Изучение христианской архитектуры в Крыму не было приоритетным в ее деятельности; об этом говорит пример Херсонеса и его епископской церкви [32, S. 232-240; 23, с. 9-46; 24, с. 327-333].

Основные этапы исследования Мангупской базилики соотносятся с тремя программами археологического изучения Мангупа [9, с. 24-25]. В рамках первой программы раскопки базилики в 1890 г. провел Ф. А. Браун, он же открыл памятник. На следующем этапе в 1913-1914 гг. ее изучал Р. Х. Лепер, который выявил основные элементы плана сооружения. В краткой статье Л. А. Моисеева изложены основные результаты исследования Р. Х. Лепера, здесь же опубликованы важные фотографии памятника во время раскопок [16, с. 316]. Вторая программа осуществлялась в советскую эпоху. В 1938 г. М. А. Тиханова исследовала северную часть базилики и открыла ее баптистерий; обмерные работы на памятнике в это время проводил А. Л. Якобсон. Методика этих раскопок была значительно более совершенной, в сравнении с работами Археологической комиссии. М. А. Тиханова училась на Высших женских (Бестужевских) курсах, где среди преподавателей был М. И. Ростовцев, свое образование она завершала в Петроградском университете. А. Л. Якобсон к тому времени имел уже важный опыт работы на таком сложном памятнике, как «базилика 1935 г.» в Херсонесе. Однако успешный мангупский сезон 1938 г. для М. А. Тихановой и А. Л. Якобсона оказался единственным. Началом третьего, современного, этапа изучения базилики было создание в 1967 г. Мангупской археологической экспедиции. Одной из ее задач является исследование крупных архитектурно-археологических комплексов Мангупского городища [10, с. 127-147].

Как видим, ритм изучения базилики был очень медленным; интервалы составляли примерно 25-30 лет. Все это время памятник стоял открытым, разрушался, и каждое последующее поколение археологов наблюдало его в значительно худшем состоянии, чем предыдущее. Когда-то Л. А. Моисеев заметил: «Раскопку базилики нельзя считать законченной» [14, с. 79]. Сейчас, столетие спустя, можно сказать то же самое: остается не раскопанной крещальня, нет ясного представления о плане восточной части базилики, отсутствует полная обмерно-чертежная документация, в особенности

это касается стратиграфических и планиграфических разрезов. Говоря о неполной изученности памятника, не забудем, что названные выше три программы исследования Мангупа пришлось на периоды нескольких исторических катаклизмов: две Мировые войны, две радикальные смены государственного строя и общественно-политической системы, падение двух могущественных государств, Российской империи и СССР, и, сверх всего — перемены в государственной принадлежности Крыма.

Итак, 1967 г. был началом новой эпохи для истории изучения Мангупа, в том числе и для ее базилики. Изучение храмового комплекса с этого момента и на протяжении почти четырех десятилетий (1967-2005 гг.) вела Н. И. Бармина. По ее заключению, она полностью раскопала базилику и прилегающие к ней «восточные, северные и западные участки» [5, с. 308]; исследование «показало несостоятельность аргументов, предложенных в свое время А. Л. Якобсоном в пользу ранней датировки мангупского памятника. Полученные материалы позволили уточнить хронологию формирования большого христианского ансамбля на Мангупе и периоды его постепенного разрушения» [6, с. 421].

К сожалению, о ходе и результатах работ Н. И. Барминой известно очень немного. В ее названных выше историографических обзорах речь всегда идет только о работах предшественников. Но именно ее собственные раскопки, с их исключительной длительностью, уже составили важнейший этап историографической традиции. Современные исследователи Мангупа отмечают, что результаты раскопок базилики 1960-1990 гг. «остаются по большей части неизданными. Автор раскопок в своих многочисленных публикациях, имеющих тезисную форму, как правило, без сопровождающих иллюстраций находок, пытается обосновать более позднюю дату появления храмового комплекса (IX в.). Правда, в ряде недавних статей Бармина корректирует свое мнение: на месте трехнефной базилики в VI в. были однефный храм и крещальня, раскопанная М. А. Тихановой. Впервые выводы иллюстрируются планами комплекса, но без анализа вещественных находок» [8, с. 242, прим. 3]. Действительно, только в двух публикациях Н. И. Барминой приведены чертежи общего плана базилики [1; 5]; во всех других статьях автора фотодокументация отсутствует, излагаются лишь конечные выводы, но не их аргументация [1-7].

Базилика известна западному читателю. Ее план приведен в обширной статье А. Л. Якобсона в немецкой «Энциклопедии византийского искусства» [29, Sp. 386, Abb. 3a], здесь воспроизведена реконструкция того же плана базилики, что и в известной монографии автора [28, с. 195-197, рис. 99]. Мангупская базилика включена в обзор ранневизантийской архитектуры в Крыму в «Энциклопедии античности и христианства», где отмечено, что ее датировка является очень спорной [31, Sp. 108, 115].

Я имела возможность детально осмотреть Мангупскую базилику в июле 2009 г. Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность руководителю Мангупской экспедиции Александру Германовичу Герцену за подробнейшие разъяснения¹ (рис. 1).

План базилики

Базилика была построена практически в центральной части Мангупского плато. Помимо соображений безопасности, скорее всего, строители нашли здесь удобную площадку, не требовавшую значительных работ по нивелировке скальной поверхности. Благодаря такому положению культовый ансамбль мог развиваться во все стороны. Обычно

¹ Наша многочасовая экскурсия была, в сущности, обширным научным докладом, который А. Г. Герцен прочел «на натуре». Этот исключительный доклад включал и историю изучения Мангупа, и неопубликованные гипотезы, и личные воспоминания, и планы на будущее. Особенно подробно мы осмотрели именно базилику.

епископская базилика была центром комплекса, в которую входило жилище иерарха, баптистерий, часовня (возможно, не одна), часто — термы, а также различные вспомогательные помещения. Они составляли «епископскую группу». Очень часто приоритетным был участок перед южным фасадом, обычно здесь проходили различные религиозные церемонии. Еще Р. Х. Лепер отмечал, что «было бы весьма интересно выяснить» отношение к церкви построек с южной и юго-восточной стороны от базилики [13, с. 76]. Однако это намерение не было осуществлено. Исследован только участок с севера, где М. А. Тиханова обнаружила часть здания крещальни. Раскопки Н. И. Барминой открыли еще три помещения на участке, примыкающем к базилике с северо-востока. Назначение помещений и время их появления остается неясным. Поэтому наши представления о составе епископского комплекса Мангупа все еще неполны.

За всю историю изучения памятника мы имеем, в сущности, всего три чертежа плана базилики (не считая их незначительных модификаций): Р. Х. Лепера, А. Л. Якобсона и план, опубликованный Н. И. Барминой. В последнем случае автор обмера и чертежа неизвестен.

План Р. Х. Лепера схематичен [13, с. 146, рис. 1], но на нем видны основные структурные части сооружения, включая боковые галереи. Наружный контур апсиды показан предположительно как полукруглый. Статья М. А. Тихановой содержит документацию значительно более полную: план и разрезы раскопанных участков, а также «сводный план» комплекса с крещальней [17, рис. 4; 5; 14; 58]. Эта обстоятельная статья отличается большим количеством информативных фотографий. В работе А. Л. Якобсона, написанной вскоре после раскопок базилики в 1938 г., видим тот же план базилики, что у М. А. Тихановой, но с некоторыми уточнениями, соответствующими тексту статьи [27, рис. 1]. На обеих версиях плана, снятого А. Л. Якобсоном, видно, что наружный контур центральной апсиды не выявлен. Исследователь отмечает, что снаружи апсиды базилики осталась не раскопанной [27, с. 207].

В монографии 1959 г., посвященной раннесредневековому Херсонесу, А. Л. Якобсон опубликовал план-реконструкцию Мангупской базилики с иной графикой, более удобной для печати, но менее информативной. На чертеже с черной заливкой видим полуциркулярную центральную апсиду, на этом же плане показан баптистерий [28, с. 195-197, рис. 99]. Тот же план воспроизведен и в названной выше немецкой «Энциклопедии византийского искусства». Эта статья была написана в последние годы жизни А. Л. Якобсона и поступила в редакцию уже после кончины ученого [29, Sp. 439]. И, наконец, на чертеже в статье В. П. Кирилко представлен схематический план-реконструкция Мангупской базилики, в сущности, тот же чертеж А. Л. Якобсона, с полуциркулярной центральной апсидой, но с одним отличием, которое исходит из представлений самого В. П. Кирилко: боковые галереи он показывает как пристроенные позже времени сооружения центральной части памятника [11].

Графическая документация, которая отражает результаты работ Н. И. Барминой, была опубликована в ее итоговой статье 2008 г. Здесь наиболее важны два чертежа

Рис. 1. Мангуп. Александр Германович Герцен. 2009 г. (фото Л. Г. Хрушковой)

плана — обмерный и аналитическая реконструкция (кем и когда выполнялись обмеры и чертежи, как уже говорилось, остается неясным) [5, ил. 3; 6]. Этот вопрос не кажется безразличным. Если обмеры выполнялись по частям, по мере ведения столь длительных раскопок, в этом случае чертеж отражает состояние различных частей памятника на протяжении нескольких десятилетий. Если же обмер выполнен по окончании работ (до 2008 г.), после генеральной зачистки памятника (?), тогда чертеж фиксирует его состояние в последней фазе исследования. К сожалению, в статье 2008 г. отсутствуют также чертежи разрезов, как архитектурных, так и археологических, нет обмеров фасадов и иллюстраций археологических материалов.

Мангупская базилика является обширным сооружением с традиционным плановым решением. У нее три нефа, разделенные шестью парами опор, и нартекс, разделенный на три части. План базилики осложнен галереями, примыкавшими к боковым нефам с севера и юга; обе имели внутренние членения в восточной части. Главный вход расположен по продольной оси базилики, дополнительные проемы соединяли нартекс с боковыми нефами. Северная галерея соединялась с наружным пространством двумя проемами, количество дверей в южной стене южной галереи неизвестно. Общие размеры базилики, по данным Н. И. Барминой — 32,5 м в длину и 28,0 м в ширину [7, с. 10-12], по А. Л. Якобсону — 31,5x26,2 м [27, с. 207]. В. П. Кирилко приводит другие цифры — 30,6x19,0 м, без боковых галерей [11, с. 92].

Как отмечал А. Л. Якобсон, Мангупская базилика относится к «эллинистическому типу». Этим термином обычно обозначается большая базилика, развитая горизонтально, с подчеркнутой продольной осью, легким деревянным перекрытием и большим количеством окон. Это сооружение городское, часто епископское. Эллинистический тип базилики — характерное явление ранневизантийского времени, когда архитектура еще сохраняла множество античных черт. В средневизантийское время базилики продолжали строить, особенно вне крупных городских центров, но они стали иными: меньшими, компактными, сводчатыми, без нартекса и других дополнительных помещений (без атриума и боковых галерей).

Важный вопрос: сколько апсид было у Мангупской базилики в ее первоначальном состоянии? Если одна, то в этом случае южную апсиду следует считать пристроенной позже. Однако, судя по технике ее кладки, однородной с кладкой основных частей базилики, и отсутствию швов между кладками двух апсид, южная апсида была первоначальной. Поэтому, очень возможно, существовала и северная апсида, что допускал А. Л. Якобсон [27, с. 213, прим. 8]. Если наружный контур восточной части базилики был раскрыт полностью, до скалы, остатки северной апсиды в ее нижней части могли быть видны. Восточная стена северного нефа подверглась значительным перестройкам, к ней снаружи пристроена дополнительная стена, которая играла роль контрфорса. Возможно, в этом месте скала понижается, что послужило причиной деформаций, и строителям пришлось пожертвовать северной боковой апсидой, чтобы укрепить эту часть конструкции. М. А. Тиханова сообщает, что рельеф скалы понижается к северу. Однако у нас нет конкретных сведений о нивелировочных отметках в северо-восточной части сооружения; обмеры фасадов базилики, к сожалению, отсутствуют. Таким образом, неясностей остается много.

Неясен и другой важный вопрос, касающийся восточной части базилики: какой была форма центральной апсиды? Трудности исследования восточного участка, прилегающего к базилике, известны. Р. Х. Лепер сообщает, что южная апсида сохранилась на высоту выше человеческого роста, стена же центральной «апсиды очень разрушена и обнаружить ее не удалось, так как с наружной стороны уровень земли с надгробными памятниками поднимается на 2 или больше аршин над полом».

Одна могила с плитой находится «на самой стене главной апсиды» — известное надгробие с эпитафией с именем чтеца Стефана 1457 г. [13, с. 149]. Следовательно, к середине XV в. стена апсиды сохранялась на высоту более 1,5 м. О восточной стене сообщается в отчете за 1914 г.: «Удалось обнаружить и часть стен с внешней стороны, а именно перед входом и в заалтарной части базилики» [14, с. 72]. Итак, стена центральной апсиды была выявлена изнутри, но установить ее форму снаружи («в заалтарной части») все-таки не удалось. Не смогла этого сделать и М. А. Тиханова «из-за технических трудностей (завал камней, глубокие ямы, большое количество огромных надгробий, трудность отвоза земли)» [17, с. 337].

Впервые трехгранная центральная апсида появилась на схематичном плане базилики в статье Н. И. Барминой 1975 г. [1, рис. 9, б]. Когда же были открыты эти грани апсиды? Об этом не сообщается, и фотографий нет. В публикациях Н. И. Барминой находим лишь одно упоминание о грани апсиды: приводится предположение Р. Х. Лепера о появлении на юго-восточной грани уже разрушенной центральной апсиды гробницы с надписью о чтеце Стефане [6, с. 416]. Однако здесь имеет место ошибка. Р. Х. Лепер пишет, что могила с эпитафией Стефана находится «на самой стене главной апсиды», о грани же в его публикации ничего не говорится.

Вопрос о форме алтарной части и апсиды (или апсид) важен для понимания архитектурного контекста Мангупской базилики. Все авторы, писавшие о ней, подчеркивали тесную связь памятника с Херсонесом, близость к группе херсонесских базилик, предполагалось даже участие херсонесских мастеров в строительстве комплекса. Однако трехгранной апсиды нет среди базилик Херсонеса. Это характерная константинопольская форма апсиды, которая отличает столичное строительство от Малой Азии, где отдавали предпочтение пятигранной апсиде. Если же в Мангупской базилике изначально было три апсиды, что вполне вероятно, тогда она входит в одну группу с трехапсидными базиликами вне Херсонеса, такими как базилики в Партенитах и на Эски-Кермене.

Строительная техника

Мангупская базилика отличается превосходной кладкой наружных фасадов из крупных тесаных блоков, с тонкими швами. Она во многих местах сохранилась [27, рис. 4]. Горизонтальные ряды в кладке соблюдаются тщательно, блоки уложены «вперевязь», то есть в каждом ряду сдвинуты относительно следующего ряда. Лучшее всего древние участки кладки сохранились в западной стене нартекса, которую изучила М. А. Тиханова на участке длиной 12,5 м от северо-западного угла до дверного проема в центральный неф [27, рис. 3]. Высота стены во время раскопок М. А. Тихановой не превышала 1,65 м, кладка сохранилась на высоту двух рядов, кое-где даже трех. Высота нижнего ряда составляет 0,5 м, верхнего — 0,67-0,68 м, длина блоков — 0,82-0,97 м. Эти цифры говорят о чрезвычайной массивности блоков. Стена была поставлена на цоколь. Верхний ряд его кладки (тот, что над землей) тоже выложен из крупных тесаных блоков, в один ряд; его высота 0,33-0,36 м, то есть немногим более фута. Крупные тесаные блоки (размерами 1,14x0,42-0,46x0,17-0,30 м) в базилике можно наблюдать, например, в кладке стены северного нефа, где упавший блок имел размеры 1,39-1,45x0,26x0,51-0,56 м.

Благодаря точным описаниям М. А. Тихановой техники кладки и структуры стены, мы лучше знаем эти особенности для северо-западной части базилики. Вследствие уклона скалы к северу, в северо-западном углу цоколь сложен из двух рядов тесаных квадров; в месте перехода к двухрядному цоколю был положен более крупный блок, для сохранения горизонтальности кладки цоколя. Из этого следует, что

перед строительством базилики строгой нивелировки площадки не производилось. Ряды кладки выравнивались по горизонтали с помощью цоколя. Его большая ширина, в сравнении со стеной, усиливала основание конструкции. Незначительные неровности скальной поверхности могли быть заполнены мелким бутом.

Важный признак, имеющий значение для датировки — структура стены. Приведу превосходно-точное описание М. А. Тихановой. Стена была «сложена с обеих сторон ее из тесаных квадров известняка, положенных правильными, строго выдержанными горизонтальными рядами, узкое пространство между которыми заполнено небольшим слоем мелкого бутового камня и щебня и залито известковым раствором с примесью толченого кирпича и черепицы. Камни плотно притесаны друг к другу, положены на тонком растворе с примесью толченого кирпича» [17, с. 342]. Толщина западной стены Мангупской базилики достигает 0,95-0,97 м, то есть, примерно, три византийских фута (при усредненном значении фута 31,2-31,5 см). Это распространенный стандарт для ранневизантийского строительства, когда сохранялась римская система кладки. В ее основе лежал принцип использования хорошо тесаного камня. Толщина стены создавалась двумя рядами тесаного камня, с тонким слоем забутовки между ними. В сущности, это не «облицовка с забутовкой», как ее нередко обозначают; тесаный камень служил не «облицовкой», а создавал само тело стены. Подобную технику видим в соседнем регионе — на ранневизантийских памятниках в Абхазии [19, с. 299].

После эпохи Юстиниана I (527-565) Византийская империя никогда больше не располагала возможностями вести огромные строительные работы, на пространстве от Испании до Палестины. Техника строительства стала более экономичной. Толщина тесаных камней с внутренней и наружной сторон стены уменьшалась, они становились настоящей «облицовкой», значительная часть толщины стены создавалась «забутовкой». Так уменьшался объем каменотесных работ. Параллельно совершенствовалось качество раствора, благодаря чему в средней части стены раствор, в сочетании с щебнем и мелким камнем, создавал настоящий монолитный бетон, который становился несущим элементом конструкции. В стене средневизантийского периода тесаный камень на фасадах представляет собою именно «облицовку»; это тонкие пластины, широкие по фасаду, но не блоки, уходящие в толщу стены, как это было в позднеантичное время. Широкое применение толченой керамики в растворе обеспечивало самое важное его качество — гидрофобность и, тем самым, долговечность связующего раствора.

По наблюдениям М. А. Тихановой, были переложены северная стена базилики и северная стена северной галереи [17, с. 366]. Поздняя северная стена базилики, сохранившаяся на высоту до 2,1 м, покоится на необработанных камнях, уложенных в два ряда. В поздних частях кладки использован старый строительный материал — крупные блоки, некоторые со следами огня. При этом обе стены находятся на своих прежних местах. Таким образом, в момент перестройки мастера имели ясное представление о структуре первоначального сооружения и намеревались восстановить его первоначальный план. На опубликованных фотографиях видно, что техника вновь сложенных стен действительно иная [17, рис. 35]. В них использованы крупные тесаные блоки, однако они частью оббиты и иначе уложены. Здесь видим иной строительный «почерк»: нет точных горизонтальных рядов, нет тонких чистых швов, местами видны явные нарушения основных принципов кладки. Например, на фасаде северной стены, обращенной в галерею, в соседних рядах камни уложены не «вперевязь», а поставлены один на другой. Такой прием рискует создать трещины, что угрожает прочности конструкции.

На обмерном чертеже Н. И. Барминой [5, рис. 3] видна типичная ранневизантийская техника кладки. Этот чертеж вызывает вопросы. На нем показано, что древняя техни-

ка стены, с тонким слоем забутовки между двумя рядами камней, наблюдается в тех частях, которые Н. И. Бармина считает поздними: западная половина северной стены базилики, северная часть западной стены нартекса и участки северной стены северной галереи. Кроме того, на этом чертеже в разновременных частях базилики изображена одинаковая толщина стен (около 1,0 м), тогда как поздние стены были более тонкими.

Общая картина первоначального состояния полов базилики и их изменений остается недостаточно ясной. В первом состоянии базилика имела мозаичный настил. О том, что центральный неф был вымощен мозаикой, было известно уже в конце XIX в. Ф. А. Браун упоминает «частички мозаики, найденные при проведении траншеи» [15, с. 19]. О фрагменте мозаичного пола, расположенного у северной стенки алтарного ограждения, сообщает Р. Х. Лепер; он публикует фотографию с изображением человека, который стоит на этом полу. По данным Н. И. Барминой, «кусочек напольной мозаики был обнаружен между краем солеи и северным стилобатом», то есть примерно там же, где его видел Р. Х. Лепер. Размеры фрагмента невелики — 0,75x0,65 м. «Мозаичные полы украшали всю поверхность пола около солеи и амвона» [3, с. 121-122]. Мы не знаем, какие элементы Н. И. Бармина называет солеей и амвоном, но ясно, что речь идет о восточной части центрального нефа. На участке у западной стены базилики, в нижнем слое, М. А. Тиханова выявила 27 кусков мозаичного пола и сотни кубиков мозаики типа *opus tessellatum*. Кроме того, среди опубликованных ею фрагментов можно опознать один фрагмент вымостки *opus sectile*, с изображением четырехлепестковой розетки [17, с. 348-349, рис. 13, а-г]. Судя по характеру орнамента, эта вымостка относилась к средневизантийскому периоду. Сложная и дорогостоящая техника *opus sectile* нечасто встречается в Крыму, в том числе и в Херсонесе [20, с. 37-48]. Ее выдающимся образцом является вымостка базилики в Партенитах [21, с. 387-391].

Для полов крещальни имеются наблюдения М. А. Тихановой. Сначала пол был мозаичным, затем прямо на него положили плиты известняка на прочном растворе. Когда крещальня была превращена в часовню, ее апсиду вымостили крупным прямоугольным кирпичом размером 44,0x35,0 см [17, с. 378]. Очевидно, что между первой мозаичной вымосткой и каменными плитами не было большого хронологического разрыва, практически это один и тот же период жизни. Замена полов здесь легко объяснима. В небольшом помещении крещальни вымостка испытывает повышенную нагрузку, мозаичные же полы, уложенные на бетонную основу, по своей природе непрочны. М. А. Тиханова отмечает частые «находки кирпичей от вымостки пола базилики» [17, с. 338], но эти изолированные находки не дают представления о первоначальном положении участков кирпичной вымостки и ее уровне.

Сколько уровней пола было в базилике? Р. Х. Лепер выявил только два, «третий уровень полов неизвестен» [13, с. 76]. Его не обнаружили и последующие раскопки, потому что его не существовало. Первоначальный пол был выявлен легко, он находится на уровне древнего порога дверного проема в западной стене базилики. Этот порог в виде массивной цельной плиты со следами крепления дверного полотна и сейчас сохранился *in situ*. Второй пол был выше первого «на пол-аршина», по Р. Х. Леперу, то есть примерно на 0,35 м — такова мощность культурного слоя между ранней и поздней фазами существования базилики. Свидетельствуют ли два выявленных уровня пола только о двух строительных периодах? Или был еще один период, промежуточный? Предположение о существовании трех периодов строительной деятельности высказывали разные авторы [17, с. 387; 11, с. 97], и это очень вероятно. Отсутствие «промежуточного» пола находит свое объяснение: второй период жизни базилики развивался на том же, первоначальном, полу. Иными словами,

второй период не был отделен от первого значительным промежутком времени, базилика пострадала от пожара лишь частично. Строители второго периода базилики сохранили главные элементы плана, прежний уровень пола и те же дверные проемы. В пользу трех строительных периодов свидетельствуют и фрагменты архитектурного декора, которые ясно делятся на три хронологические группы.

Скульптурный декор

На исключительное богатство декора базилики, который включал скульптуру, мозаику, живопись, обратил внимание еще Ф. А. Браун. Он нашел в центральном нефе «массу обломков каменного орнамента», среди них отметил два мраморных фрагмента с изображением креста [15, с. 18-19]. О «множество архитектурных деталей, в свое время не замеченных или упущенных при раскопках Р. Х. Лепера», пишет М. А. Тиханова. Она отмечает также, что этот материал «не был использован А. Л. Якобсоном в достаточной степени» [17, с. 337-339, прим. 3 на с. 339]. Действительно, статья А. Л. Якобсона 1940 г. носит предварительный характер, скорее всего, он не считал возможным опубликовать этот материал раньше М. А. Тихановой. Этим объясняется и отсутствие на его плане крещальни.

Найденные фрагменты делятся на две группы: из проконнесского мрамора и из камня. Фрагменты мрамора несут следы сильного огня [17, с. 346]. Большинство деталей очень мелкие, потому что в позднейшие периоды они употреблялись как простой строительный материал в забутовке стен. Такой материал не было смысла везти из других мест, поэтому все найденные фрагменты происходят из этой базилики. О наличии мраморных колонн и венчавших их капителей сведений немного. В 1927 г. А. Л. Якобсон видел обломки мраморных колонн вокруг базилики [27, с. 211, прим. 2]. Нижняя часть коринфской капители с мягким аканфом была обнаружена в 1938 г., возможно, она была с двумя рядами листьев аканфа [27, рис. 8]. Аканф этого типа был массово распространен во второй половине V в.; иногда его датируют также и первыми десятилетиями VI в. Другой фрагмент мраморной коринфской капители очень мал, чтобы судить о ее типе [17, с. 372, рис. 396].

Коллекция архитектурных фрагментов из раскопок М. А. Тихановой поступила в Бахчисарайский музей-заповедник. Но вся ли она сохранилась? Известно, что «часть находок была похищена немецко-фашистскими захватчиками» [17, с. 338, прим. 2]. Я имела возможность ознакомиться с этой коллекцией². Многие из этих артефактов остаются неопубликованными.

Среди мангупских капителей, хранящихся в Бахчисарайском музее-заповеднике, имеется коринфская капитель, превращенная в чашу [25, с. 144, рис. 14, 15; 33, fig. 5,3] (рис. 2-3). М. А. Тиханова сообщает, что Р. Х. Лепер обнаружил ее в одной из могил

Рис. 2. Мангупская базилика. Коринфская капитель — чаша, мрамор (фото Л. Г. Хрушковой).

² Выражаю сердечную признательность А. Г. Герцену, благодаря помощи которого я имела возможность ознакомиться с материалами Бахчисарайского музея-заповедника.

[17, с. 339], но в Отчете Р. Х. Лепера таких сведений нет. Современная высота капители-чаши 46 см, ее верхняя часть стесана, чтобы сделать выемку для крышки. Судя по размерам, она могла увенчивать колонну, которые разделяли нефы базилики. Четыре широких листа аканфа в нижнем ряду указывают на то, что капитель относится к одной из двух групп коринфской капители, у которых листья аканфа в верхнем ряду, встречаясь, образуют мотив «лиры» или латинскую букву «V». Такие капители являлись массовой продукцией проконнесских мастерских в последние десятилетия V в. и в первой половине VI в. Они составляют большую часть среди коринфских капителей Херсонесского городища.

Многие архитектурные детали связаны с алтарной зоной базилики, об украшении которой заботились прежде всего. Небольшую мраморную капитель, от которой сохранилась только нижняя часть, Р. Х. Лепер нашел в засыпи [13, рис. 3]. Она могла быть частью алтарной преграды (рис. 4). Эта капитель украшена листьями тонкого зубчатого аканфа, характерным мотивом данного типа капителей второй половины V в.: на астрагале у нее листики аканфа, поставленные косо [25, рис. 8; 33, fig. 5,1].

Раскопки 1938 г. обнаружили обломки профилированных мраморных плит от алтарной преграды, множество фрагментов мрамора на розовой цемянке (от вымостки или какой-то облицовки?) [17, с. 371-372]. Немало подобных фрагментов было найдено в южном нефе, наряду с обломками мозаичной вымостки [17, с. 338]. Сложная профилировка плит — характерный признак проконнесской продукции последних десятилетий V и VI вв. Ряд небольших фрагментов такого типа хранится в Бахчисарайском музее-заповеднике (рис. 5), некоторые плиты украшены растительными мотивами [25, с. 145, рис. 17; 17a] (рис. 6).

Наряду с мрамором, строители Мангупской базилики использовали и местный серый известняк. Среди изделий из камня — фрагмент верхней части колонны и камень с равноконечным рельефным крестом [17, с. 344, 369, рис. 39]. Если мраморные детали являются проконнесской продукцией, то в местных изделиях, подражающих византийским, видим черты своеобразия. Одну небольшую капитель М. А. Тиханова нашла на полу

Рис. 3. Мангупская базилика. Коринфская капитель — чаша, вид сверху (фото Л. Г. Хрушковой).

Рис. 4. Мангупская базилика. Капитель с тонким зубчатым аканфом, мрамор (фото Л. Г. Хрушковой).

Рис. 5. Мангупская базилика. Фрагменты плит, мрамор (фото Л. Г. Хрушковой).

ова, помещавшегося в византийских капителях на абаке. На мангупской капители крупный ов с абак переходит на саму капитель. С мнением М. А. Тихановой о том, что эта капитель датируется не позднее VI в., вполне можно согласиться.

К тому же типу капителей относится небольшая четырехлистная капитель из известняка, найденная на Мангупе А. И. Маркевичем. Здесь видим тот же стиль резьбы: длинные листья тонкого зубчатого аканфа, размещенные в одной плоскости; их поверхность оживлена геометризованными дырочками разных форм и размеров. Эта капитель отличается наличием необычного мотива: на абаке помещена крупная, энергично вырезанная шестилепестковая розетка в медальоне. На смежной стороне абак украшен четырехконечным крестом, его удлиненная нижняя ветвь переходит на капитель, размещаясь между листьями аканфа [25, рис. 12] (рис. 7). Эта необычная для византийской капители розетка — своеобразное воспоминание о мраморных капителях римской эпохи, которые, видимо, были знакомы мастеру. Сходная по размерам, типу и стилю капитель из камня находится в Бахчисарайском музее-заповеднике. Эту небольшую капитель с четырьмя

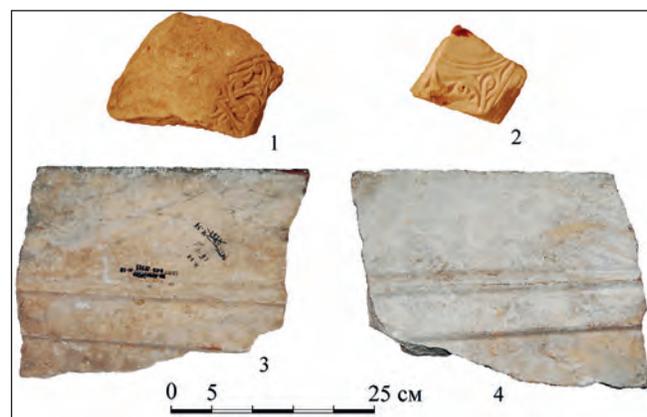

Рис. 6. Мангупская базилика. Фрагменты плит, мрамор (фото Л. Г. Хрушковой).

листами тонкого зубчатого аканфа высотой 20 см мастер украсил необычно массивным овом [25, с. 143, рис. 10; 33, fig. 5,2] (рис. 8). Малая известняковая коринфская капитель сходного типа происходит из Партенит [25, рис. 11]. Перечисленные четыре капители обладают общими чертами. Все они невелики по размерам, выполнены из местного камня, подражают мраморным капителям с тонким зубчатым аканфом. Их объединяет общ-

крещальни [17, с. 385, рис. 42б]. Это четырехлистная коринфская капитель высотой 23 см, с абак в виде выступающей полочки. Листья капители подражают византийскому тонкому зубчатому аканфу, однако они не отогнуты, а вырезаны в одной плоскости; тип аканфа передан с помощью дырочек, выполненных сверлом. Каждый лист аканфа состоит из трех длинных побегов, расположенных по сторонам высокого массивного стебля. Оригинальна трактовка традиционного

ность стиля: плоские листья аканфа не отогнуты, поверхность разработана дырочками, высеченными сверлом. При всей условности и упрощенности изображения аканфа в мангупских капителях, этот «тонкий зубчатый аканф» все-таки узнаваем: мы наблюдаем эффект ажурности, а именно этим и славились мраморные капители данного типа.

К этой же группе местных изделий из камня относится фрагмент столбика с узкой продольной выемкой посередине, идущей вдоль него. Выемка служила пазом для крепления плиты, возможно, от алтарной преграды. М. А. Тиханова обнаружила эту деталь в крещальне, но вряд ли это ее первоначальное положение. На другой стороне камня нанесена греческая надпись [17, с. 386, рис. 42в, прим. 1 на с. 372]. Блок украшен плоскостно трактованными листьями тонкого зубчатого аканфа, упрощенными, геометризованными, симметрично расположенными. Это тот же стиль, что у капителей из камня, описанных выше. М. А. Тиханова справедливо заметила, что эта деталь «несомненно VI в.». Того же стиля несколько мелких деталей из известняка, найденных в северной галерее. Они тоже подражают византийскому тонкому зубчатому аканфу [17, с. 372, рис. 39, а, в, г] (рис. 9). Эту группу изделий можно сопоставить с тонкой колонкой от кивория, украшенной длинными листьями аканфа, из раскопок базилики в Партенитах Н. И. Репникова [25, рис. 13].

В мангупской коллекции Бахчисарайского музея имеются и мелкие фрагменты плит из известняка с профилировкой, как на мраморных плитах ранневизантийского времени. Среди местных подражаний импортному мрамору — известняковый столбик с профилировкой от алтарной преграды, фрагмент которого нашла М. А. Тиханова [17, с. 337-338, рис. 3]. Подобные столбики в VI в. широко производились в проконнесских мастерских и вывозились морем в разные регионы Византии, в том числе в Восточное Причерноморье [30, pl. 104, a, e, f].

Архитектурные детали из местного камня, найденные на Мангупе и в Партенитах, их техническая и стилистическая близость, позволяют говорить о наличии в первой половине VI в. местной мастерской, которая специализировалась на изготовлении элементов оформления алтарной зоны, подражающих византийскому мрамору. Дошедшие до нас изделия разного уровня исполнения. Среди них есть и очень скромные подражания, и предметы, отличающиеся выразительностью и декоративной смелостью.

К другому кругу художественных явлений ранневизантийского времени относится каменный блок из Мангупской базилики с изображением креста. Равноконечный крест с расширяющимися концами вписан в медальон, украшенный мотивом треугольников (рис. 10). Такой тип креста хорошо известен

Рис. 7. Мангупская базилика. Капитель, известняк (по: Хрушкова, 2016).

Рис. 8. Мангупская базилика. Капитель, известняк (фото Л. Г. Хрушковой).

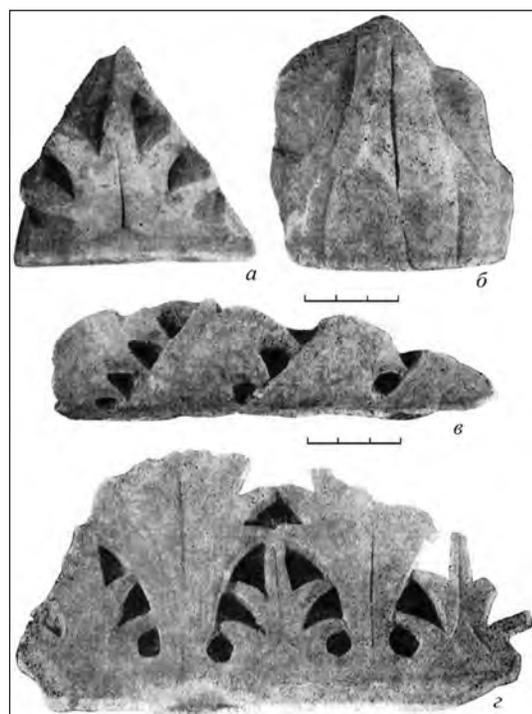

Рис. 9. Мангупская базилика. Архитектурные детали, известняк (по М. А. Тихановой)

Эти две архитектурные детали похожи по стилю: изображение креста помещено в углубленное поле, рельефный крест не возвышается над поверхностью изделия (техника «снятого фона»). Еще один фрагмент с рельефным изображением креста иной формы: у него резко расширяющиеся от центра ветви, поперечные перекладины расширены (рис. 11,2). На третьем фрагменте сохранилась нижняя часть процветшего креста (рис. 12,3).

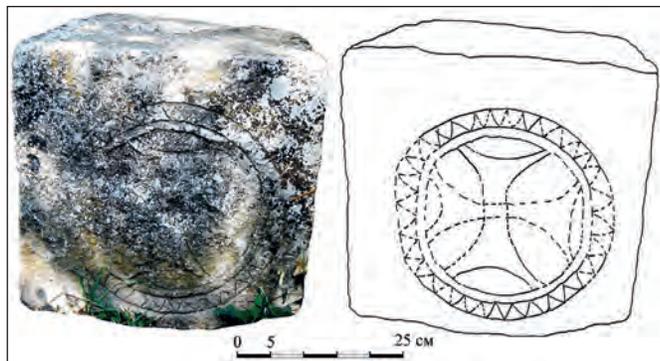

Рис. 10. Мангупская базилика. Камень с изображением креста, известняк (фото Л. Г. Хрушковой, рис. И. А. Снитко)

в V-VI вв. на Христианском Востоке, на территории от Кавказа до Палестины. Этот камень мог украшать фасад сооружения. Часто подобные изображения размещали над дверными или оконными проемами. Аналогичный фрагмент известен в Херсонесе, мы знаем о нем по архивному рисунку М. И. Скубетова [25, с. 145-146, рис. 19,20]. Эта деталь указывает на то, что на Мангупе, как и в Херсонесе, были знакомы с различными художественными традициями, прежде всего, с константинопольской, но было и другое направление культурных связей — Христианский Восток.

Вторая группа фрагментов Бахчисарайской коллекции из раскопок Мангупской базилики существенно отличается от ранневизантийского мрамора и местных ему подражаний. Это детали из местного камня, которые относятся к средневековой эпохе. На некоторых из них сохранились изображения крестов различных форм. Один крест — с равномерно расширяющимися ветвями и удлиненной нижней ветвью, вписан в медальон (рис. 11,1), другой — помещен в рамку сложной формы (рис. 11,3).

На большинстве мелких фрагментов плит различаются геометрические и растительные мотивы: концентрические круги, зигзаги, плетенки (рис. 11,4-11; 12,4). Небольшие полуколонки и колонки отличаются разнообразием. Одна полуколонка витая, с низким основанием и частью плиты с геометрическим орнаментом (рис. 12,1). Поверхность другой колонки разработана мотивом ложков (рис. 12,2). Сохранились две

гладкие колонки с профилированными базами (рис. 13,1,2), круглые полуколонки, примыкающие к узким пилястрам (рис. 13,3,4), фрагмент круглой колонки (рис. 13,6), а также часть края плиты с массивной профилировкой (рис. 13,5).

Фрагменты второй группы архитектурных деталей позволяют сделать следующие выводы: пластический декор становится более разнообразным, все его элементы принадлежали интерьеру, наиболее вероятно, алтарной зоне. Указанные архитектурные фрагменты были частями алтарной преграды, литургического стола, кивория и т. п. Они относятся к средневековому периоду — к X в., но не исключается и несколько более ранняя дата [25, рис. 18, 18а,4-11].

Средневековая группа декоративных фрагментов подтверждает предположение М. А. Тихановой о «промежуточном» этапе строительной истории базилики. На этом этапе не было необходимости поднимать пол храма на новый уровень, потому что не успел еще накопиться «культурный слой» внутри базилики, в данном случае, слой запустения церкви. Базилику можно было еще расчистить, разобрать разрушенные части и широко использовать старый строительный материал — качественный тесаный камень. Сложной проблемой был пластический декор интерьера и элементы литургических устройств. В это время импорт проконнесского мрамора в Крым прекратился, а мрамор прежней базилики не оставался на месте, его уже вывезли как ценный материал. Поэтому мастера, которые реконструировали базилику, создали новый декор из местного камня, в современном им стиле.

Архитектурные элементы позднейшей эпохи, времени последней перестройки базилики, составляют третью, ясно очерченную группу. Она резко отличается от

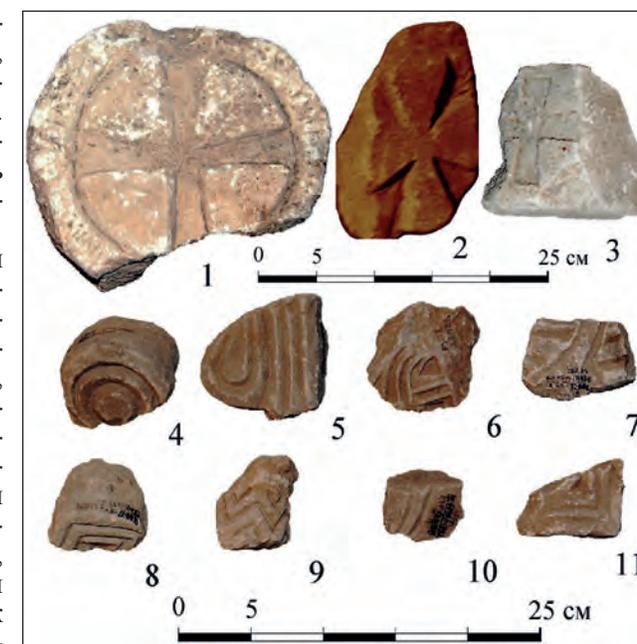

Рис. 11. Мангупская базилика. Архитектурные детали, известняк (фото Л. Г. Хрушковой).

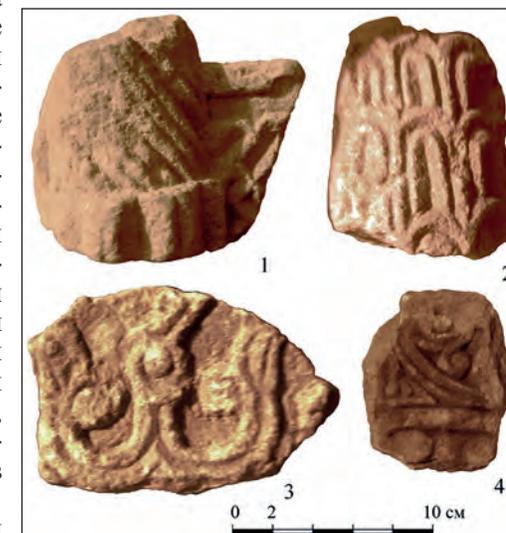

Рис. 12. Мангупская базилика. Архитектурные детали, известняк (фото Л. Г. Хрушковой).

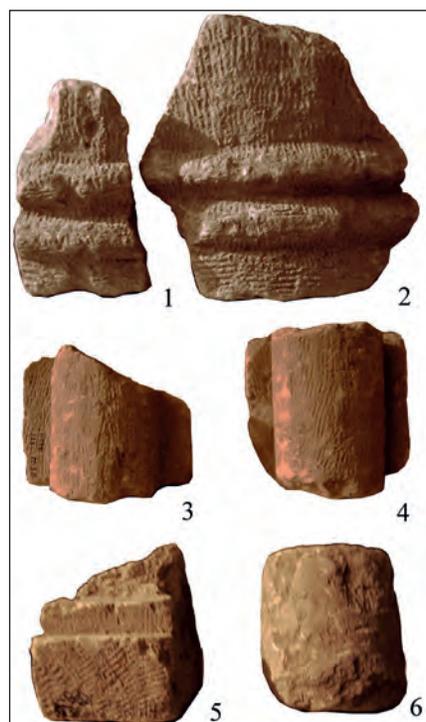

Рис. 13. Мангупская базилика.
Архитектурные детали, известняк
(фото Л. Г. Хрушковой)

индивидуализировать три строительных периода в истории базилики более ясно, нежели ее архитектурные остатки.

Функциональные и литургические аспекты

Мангупская базилика была построена как комплекс, отвечающий основным функциям церковного здания: евхаристической, крещальной и мемориальной.

Евхаристический культ

В алтарной и предалтарной части базилики открыты литургические устройства, представляющие особый интерес. Это трехступенчатый синтрон в апсиде и бема, которая была выдвинута в центральный неф и соединена с узким проходом, который продолжался к западу, располагаясь на продольной оси здания. Бема и узкий проход возвышались над полом центрального нефа. Эти элементы хорошо видны на фотографиях Л. А. Моисеева, снятых в 1916 г., некоторые из них воспроизведены в статье А. Л. Якобсона 1940 г. [27, рис. 2, 7]³.

Устройство алтарной части Мангупской базилики отличает ее от базилик Херсонесского городища. В Херсонесе синтрон со ступенями видим не в больших базиликах, а в маленьких крестовидных церквях — Загородной на главном кладбище и городской, построенной на остатках театра. Но главное отличие за-

³ Скорее всего, А. Л. Якобсон пользовался архивными фотографиями, потому что в его статье воспроизведены более качественные фото, нежели в работе Л. А. Моисеева, опубликованной в 1918 г., когда в Петрограде царили голод и разруха [14].

ключается в устройстве мангупского синтрона — он отделен от апсидной стены обходом, деамбулаторием. Этот обход в позднее время был заложен иррегулярной кладкой, которая хорошо видна на старых фото и которую можно наблюдать и сейчас.

Поздняя закладка обхода между стеной апсиды и синтроном создает обманчивое впечатление. Кажется, что синтрон примыкает к ней, т. е. относится к позднему периоду. По мнению Н. И. Барминой, синтрон появился во время капитальной перестройки церкви в IX в.: в старую нишу «вставляется четырехступенчатый синтрон с горним местом, оформляется плитовыми вымостками солея, окруженная алтарной преградой, выкладывается мелким камнем амвон» [2, с. 26]. Эта цитата требует пояснений. «Нишей» здесь названа алтарная апсида, синтрон был трехступенчатым, а «горнего места» в Мангупской базилике по-видимому, никогда не было.

В другой своей работе Н. И. Бармина излагает уже иную точку зрения на обустройство алтарной части. На этот раз синтрон появляется «не ранее первой половины XV в.»: «Появилась новая алтарная часть: к древнему полукругию была пристроена дополнительная кладка четырехступенчатого синтрона с Горним местом. Плитовой вымосткой были выложены алтарная ниша и солея, которая ограничивалась алтарной преградой. Вместе с солеей возник амвон, выдвинутый на середину центрального нефа» [5, с. 312]. При отсутствии иллюстраций к статьям Н. И. Барминой нельзя понять, что называется ею солеей (в последней работе она находится вне «алтарной ниши», однако внутри алтарной преграды) и что — амвоном. Что же касается «четырёхступенчатого синтрона», то это выражение идет от Ф. А. Брауна, который, видимо, принял за дополнительную ступень остатки пола в апсиде.

Л. А. Моисеев описывает фотографию общего вида центрального нефа базилики «с приподнятой несколько восточную частью, очень длинной солеей (как у Уваровской базилики в Херсонесе)» [14, с. 74, 77, рис. 110; 113; 114; 117; 27, рис. 2]. Приподнятая алтарная часть (бема), выступающая в виде прямоугольника в центральный неф, обычна для ранневизантийских церквей от Балканского полуострова до Палестины. Она часто встречается в базиликах Греции. За нею утвердилось наименование «Пи-образной» бемы. Некоторые сведения о размере бемы в Мангупской базилике дал Ф. А. Браун, хотя он не смог идентифицировать открытые им литургические устройства. Он так описывает алтарное ограждение: «левая, глядя на запад, то есть южная стена является продолжением четвертой ступени (синтрона), длиной в 2 м 90 см, затем загибается вправо на один метр и снова идет на запад» [15, с. 18]. Бема базилики была выдвинута в неф почти на три метра, затем она сужается, образуя коридор-проход, о длине которого Ф. А. Браун не сообщает. Алтарное устройство, включая узкий проход, схематично изображено на плане Н. И. Барминой 1975 г. [1, рис. 1], однако источники, на основании которых составлена эта реконструкция, неизвестны.

Что называют солеей в Мангупской базилике разные авторы? Л. А. Моисеев пишет об «очень длинной солее», как в Уваровской базилике в Херсонесе. Но солея в Уваровской базилике — это вопрос довольно запутанный [24, с. 359-361]. Граф

Рис. 14. Мангупская базилика.
Плиты с «сельджукским» орнаментом, известняк
(фото Л. Г. Хрушковой).

А. С. Уваров так описал литургические устройства открытой им базилики: «Алтарный помост — из беломраморных плит и кончался красивою солеею в одну ступень. Четырехугольная плита обозначает место престола... Пред солеею возвышенный мраморный амвон, обнесенный шестью столбами с мраморными между ними плитами... Совершенно подобные плиты составляли иконостас» [18, с. 534]. У А. С. Уварова «солея» является частью «алтарного помоста», то есть бемы. Это обычное толкование солей в византийско-православной традиции. Возможно, Л. А. Моисеев имел в виду проход, ведущий от алтаря в неф? Однако в херсонесской базилике этот проход А. С. Уваров назвал «амвоном» (он не знал, что в ранневизантийской базилике амвоны совсем другие), кроме того, он не является «очень длинным». На страницах одной небольшой статьи Е. Ю. Клевиной об Уваровской базилике проход из алтаря в неф именуется то амвоном, то солеей [12, с. 71, 74]. Таким образом, ссылка Л. А. Моисеева на Уваровскую базилику вопрос не проясняет.

Н. И. Бармина говорит о выложенной плитовыми вымостками «солее, окруженной алтарной преградой» и о выложенном «мелким камнем амвоне» [2, с. 26]. Здесь солея выступает как синоним алтарному пространству (=алтарь, бема). В том же смысле слово «солея» употребляет и М. А. Тиханова [17, с. 382]. Повышенная бема хорошо видна на старых фотографиях, ее положение и форма не ставят вопросов. Но самым загадочным элементом остается амвон Мангупской базилики. Что обозначено этим словом? Какой амвон был выложен «мелким камнем», по Н. И. Барминой? Л. А. Моисеев пишет о могилах, которые оказались «даже под амвоном базилики» [14, с. 76]. Где находились эти могилы? Ведь об амвоне нашей базилики неизвестно ничего.

К сожалению, ни на одном плане Мангупской базилики литургические устройства не обозначены, а в употреблении терминов господствует рассогласованность, чтобы не сказать, хаос. Описания зачастую непонятны и не иллюстрируются фотографиями или чертежами. Тем не менее, суммируя все известные данные, среди которых особенно важны старые фотодокументы [14, рис. 110, 111], литургические устройства Мангупской базилики можно представить себе следующим образом.

Бема (алтарное пространство) Мангупской базилики была выдвинута в центральный неф на 2,9 м, ее ширина приблизительно определяется размером «хорды» апсиды — это свыше 7,0 м. При таком расположении бема должна была иметь три дверных проема: один по центральной оси («святые врата» или, в русской традиции, «царские врата») и два боковых проема, в северной и южной стенках алтарного ограждения. Площадь алтаря была значительно увеличена за счет центрального нефа. Эта необходимость вызвана тем, что синтрон с деамбулаторием занимали значительную часть апсиды. Синтрон с обходом — характерная черта крупных ранневизантийских церквей, как базилик, так и купольных храмов. Он встречается в крупных базиликах Греции. В Эфесе, например, остатки синтрона с обходом сохранились в церкви Св. Марии, в той ее части, которая относится к VI в. Полностью сохранился синтрон в церкви Св. Ирины VI в. в Константинополе. Здесь синтрон и полуколонцевой коридор за ним отличаются монументальностью. Заметим, что на разных планах Мангупской базилики верхняя ступень синтрона показана очень широкой, что объясняется тем, что под нею помещался обход.

К «святым вратам» из нефа вел проход. По данным Ф. А. Брауна, он имел ширину около 5,0 м, что невероятно, потому что в этом случае он занимал бы большую часть центрального нефа. В действительности ширина данного едва ли могла превышать 2,0 м. Длина его не известна. Обычно такой проход соединяет бему с амвоном, расположенным в восточной части центрального нефа. Ранневизантийский амвон — это массивная конструкция с одной или двумя лестницами, расположен-

ная в восточной части центрального нефа, чаще на центральной оси сооружения. В Мангупской базилике ни частей амвона, ни его следов на полу не сохранилось. Тем не менее, его наличие остается очень вероятным, иначе проход от «святых врат» в неф не имел бы смысла. Заметим, что никаких следов или частей монументального амвона не сохранилось и в Уваровской базилике Херсонеса.

Термин «солея» является многозначным. Существует две традиции его толкования. Одна основана на анализе византийских источников: солея — это пространство перед алтарной преградой, повышенное, как и вся бема. Этой традиции следовал А. С. Уваров. Другое толкование преобладает в работах западных авторов; солеей они называют приподнятую и огороженную дорожку в середине центрального нефа, которая ведет от алтаря к амвону. Особая ситуация в крымской археологии, где используют различные версии толкования, иногда даже в пределах одной и той же работы. Кроме того, в Крыму слово солея часто употребляется как синоним слова бема (алтарь).

Этот вопрос требовал бы отдельного рассмотрения⁴. Многозначным является и слово «амвон», который конструктивно связан с солеей, как ее ни понимать. В ранневизантийский период амвоном называется конструкция в восточной части центрального нефа, в средневизантийский — выступающая к западу полукруглая часть солей как пространства перед иконостасом. В описаниях Мангупской и Уваровской базилик также присутствует смешение этих различных толкований.

По всем признакам ансамбль литургических устройств Мангупской базилики — синтрон, ограждение бемы, повышенная дорожка, ведущая к амвону, которая тоже была ограждена, относится к первоначальному периоду ее функционирования. Р. Х. Лепер выявил два уровня полов — нижний (наравне с порогом западного входа) и верхний на пол-аршина выше. Эти «пол-аршина» и сохранили нам остатки литургических устройств в центральном нефе. Слой разрушения мощностью около 35 см законсервировал элементы, которые находились в уровне первого пола. Здесь еще раз следует сказать о состоянии имеющейся документации. Будь все литургические устройства в свое время нанесены на план, с нивелировочными отметками, было бы легко сопоставить их с уровнем древнего порога входа в центральный неф. Впрочем, и сейчас можно соотнести уровень пола апсиды с древним порогом.

Эволюцию системы амвон — солея Т. Мэтьюз ставит в связь с изменениями в византийской архитектуре. Средневизантийская церковь типа «вписанного креста» по размерам значительно меньше ранневизантийского храма; в среднем ее длина составляет 20–24 м в длину. В этом компактном храме протесис и диаконик окончательно утвердились, первая часть евхаристической службы (литургия оглашенных) сократилась, не стало процессий в центральном нефе. Поэтому исчезает монументальный амвон и дорожка, соединяющая его с алтарем. Средневековая солея — это ступень перед «царскими вратами», роль амвона выполняет ее расширение [35, р. 149, 177–179].

Эта картина несколько упрощена — амвон не исчез сразу и окончательно, как считал Т. Мэтьюз. Известны и средневизантийские амвоны, стоящие в нефе. Но в целом эволюция между ранневизантийским и средневизантийским периодами, действительно, направлена в сторону уменьшения размеров церковного здания,

⁴ Я дважды составляла глоссарий литургических и архитектурных терминов для разных изданий. В первой версии была дана точка зрения, идущая от Рихарда Краутхаймера: «солея — это проход, соединяющий бему и амвон, часто огражденный балюстрадой» [19, с. 437]. Сейчас я разделяю точку зрения Кристофера Уолтера, которая основана на изучении византийских письменных источников: солея — это часть алтарного возвышения перед алтарной преградой (иконостасом) [26, с. 682].

сокращения первой части литургии, упрощения и редуцирования литургических устройств в центральном нефе. В этом контексте Мангупская базилика — определенно памятник ранневизантийского времени. К тому же первоначальному этапу относятся и ее литургические устройства: синтрон, бема, проход из алтаря в неф, который солей не называли.

К позднему периоду базилики относятся остатки преграды в южной апсиде. Р. Х. Лепер сообщает о плитах из камня с двумя восьмигранными колонками, у которых переход в четырехгранные капители оформлен в виде сталактитов [13, с. 149]. Иллюстрации отсутствуют. Восьмигранные колонки и сталактиты указывают на то, что преграда была создана в то же время, когда появились восьмигранные колонны в базилике, украшенные «сельджукскими» мотивами. Скорее всего, фрагменты плит, которые находятся сейчас в Бахчисарайском музее, являются частями этой перегородки (рис. 14).

Крещальный культ

Крещальня расположена к северу от базилики. Наличие самостоятельного отдельно стоящего баптистерия — признак важности епископского комплекса и указание на то, что он был построен для обращения взрослого населения. М. А. Тиханова раскопала только южную половину крещальни, северная часть сооружения остается до сих пор не раскрытой [17, рис. 4].

Взаимное положение крещальни и базилики, у которых одинаковая ориентация продольной оси, говорит об их одновременном функционировании и взаимодействии. В северной стене северной галереи — два дверных проема [17, с. 366-367]. Западная дверь в галерее предназначалась для неопитов, направлявшихся в крещальню, а восточная — для вновь окрещенных, которые из крещальни направлялись в восточную часть церкви, чтобы занять место ближе к алтарю и принять первое причастие. В сущности, эта галерея, шириной 2,65 м, служила процессионным коридором для неопитов. Южная стена крещальни открывалась к базилике чрезвычайно широким проемом (до 3,12 м), который, скорее всего, имел арочное завершение [17, с. 378]. Эта почти полностью открытая южная стена обеспечивала удобное движение разных групп людей. Северная галерея в дни крещения выполняла и функции катехумения — помещения, где проходила первая часть обряда, изгнание сатаны.

Галереи увеличивали площадь базилики и позволяли удобно распределить функции различных частей здания. Если северная галерея играла важную роль в обряде крещения, то западная часть (нартекс) служила преимущественной зоной мемориального культа. Южный вход в церковь, как и западный в раннее время, был главным. Площадь перед южным фасадом церкви обычно служила местом различных праздничных церемоний, поэтому южная галерея играла роль преддверия, вестибюля, где могли размещаться сакристии — помещения служебного назначения.

Купель мангупской крещальни, облицованная изнутри гидрофобным цемянковым раствором, была круглой снаружи, диаметром 0,92 м, и крестовидной изнутри. Ее глубина достигала 0,42 м [17, с. 381, рис. 4,53]. Ступени, судя по фотографии, располагались с востока. Облицовка сохранилась плохо. Незначительная глубина купели говорит о том, что обряд крещения здесь сочетал два основных способа — «обливание» и «погружение», как было во многих других местах христианского мира. При всем разнообразии форм купелей, крестовидная купель пользовалась особой популярностью, особенно в VI в. Один из ближайших примеров — крестовидная и тоже неглубокая купель в церкви предгорной крепости Цибила (совр. Цебельда) в Абхазии, первой половины VI в. [19, с. 308-313].

М. А. Тиханова установила наличие двух строительных периодов в истории крещальни Мангупской базилики: ранневизантийского (VI в., не исключая и конец V в.) и средневековой перестройки, когда крещальня превратилась в мемориальную часовню. К первоначальному прямоугольному объему крещальни была пристроена апсида, в которой помещался литургический стол для поминальных обрядов. В момент раскопок апсида сохранилась на высоту 0,85 м, что составляло три ряда кладки. Из этого можно заключить, что камень в кладке апсиды был значительно более мелким, чем в кладке стен древних частей базилики. Еще одно изменение: первоначальные мозаичные полы типа *opus tessellatum* были заменены плитами; пол апсиды был вымощен кирпичом. Плиты были уложены прямо на мозаичный пол — свидетельство того, что второй уровень пола был отделен от первоначального незначительным хронологическим промежутком. По мнению М. А. Тихановой, часовня могла появиться в X в. [17, с. 383]. Крупный формат кирпичей в вымостке апсиды (размеры 44,0x35,0 см), скорее, говорит в пользу более ранней даты перестройки.

Изменение функций крещальни соответствует общей линии развития подобных сооружений. Обряд крещения становится более простым и кратким, утверждается обычай крестить детей, потребность в отдельных баптистериях значительно сокращается. Это сакральное здание было привлекательным местом для погребения привилегированных лиц, прежде всего, местного клира. В раннехристианских баптистериях хоронить запрещалось, поэтому гробницы внутри мангупской крещальни могли появиться тогда, когда здание изменило свои функции. В одной из них была найдена золотая серьга с пирамидкой из зерни, которая сейчас датируется первой половиной VIII в. [8, с. 241, прим. 2], а не VI-VII вв., как считала М. А. Тиханова. Очень вероятно, что время этой гробницы соответствует превращению крещальни в часовню и создания вымостки из плит и кирпича.

Раскрытие участка городища, примыкающего к крещальне с севера, выявление здесь слоев строительства и перестройки могли бы дать более точные сведения о времени перестройки крещальни в часовню, о строительной технике разновременных элементов, наличии швов между ними и т. п.

Существовала ли еще одна крещальня в комплексе Мангупской базилики? Раскопки Н. И. Барминой раскрыли три неизвестных ранее небольших сооружения, расположенные к востоку от крещальни [5, ил. 3; 6] (рис. 15-16). Каковы функции этих зданий, их связь с базиликой и время строительства? О двух из них нам ничего не известно. Прямоугольное в плане здание, которое примыкает к северо-восточной части базилики, получило название «храма В». По предположению автора раскопок, оно было снабжено полукруглой апсидой в восточной стене. Это вызывает сомнения, поскольку от этого элемента сохранилось лишь несколько камней, которые отсутствуют на плане. Скорее всего, это был проем, размеры и положение которого по отношению к восточным углам и продольной оси этого помещения не дают поводов для предположения о наличии здесь апсиды. Поэтому определение здания как «храма» сомнительно. По мнению Н. И. Барминой, «храм В» был построен раньше, чем базилика с боковыми галереями. Последняя, по ее версии, в начале IX в. была пристроена к уже существующему «храму В», который был превращен в крещальню. В «храме В» обнаружена портативная крещальная купель, высеченная из цельного каменного блока. Этот предмет и послужил основанием для его интерпретации как крещальни.

В других публикациях Н. И. Барминой «храм В» называется также храмом № 3 и «северо-восточным храмом». Купель стояла в северо-восточном углу солеи, которая была выложена «крупными известняковыми плитами» [2, с. 23, 27]. Мо-

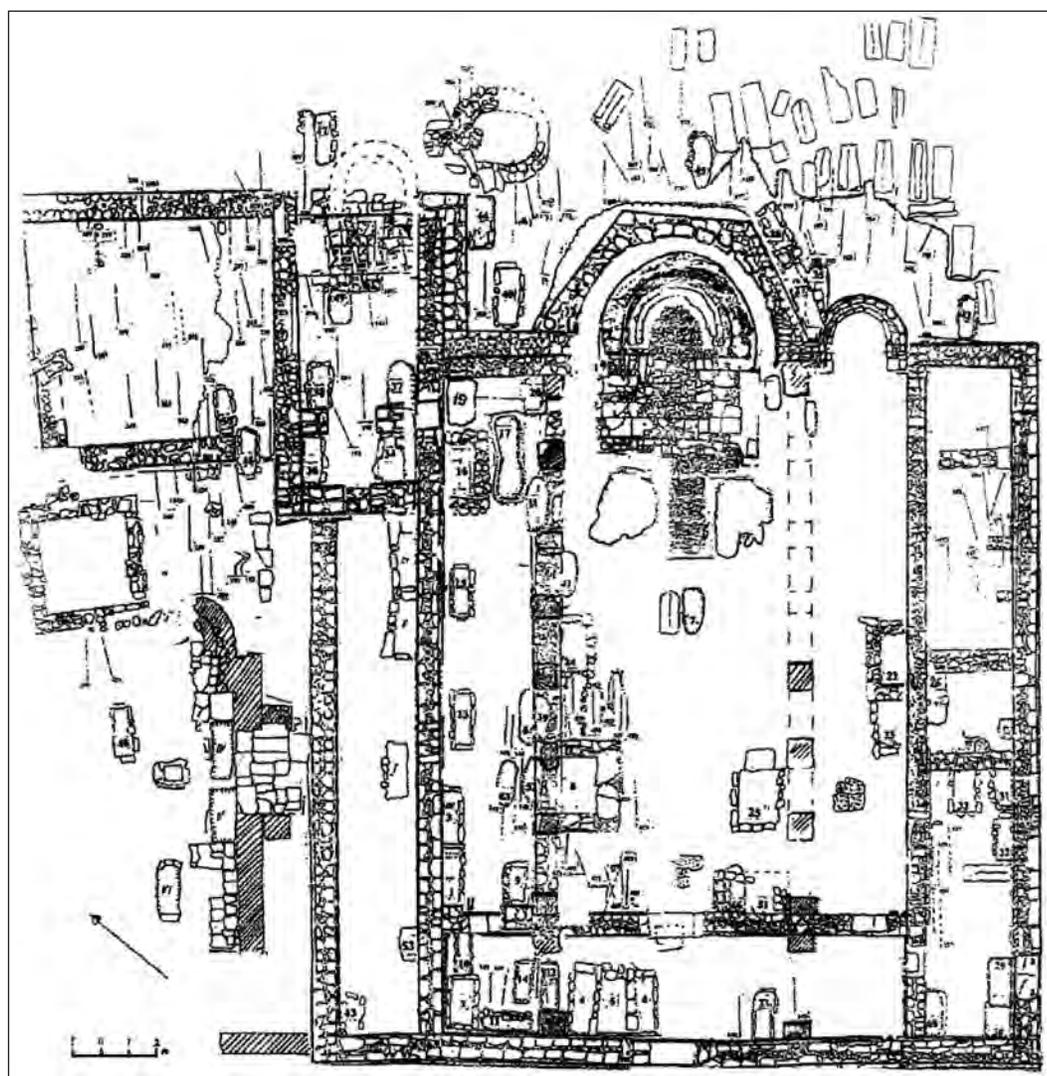

Рис. 15. Обмерный план комплекса (по Н. И. Барминой)

нолитная крещальная купель была «сидячей»; внутри нее находилось «сидение и напротив него отверстие — сток для воды» [5, с. 310-311]. К сожалению, не опубликованы ни чертеж, ни фотографии этой столь необычной находки, неизвестны и ее размеры.

Определение «храма В» как крещальни следует отклонить без колебаний по следующим причинам. Во-первых, крещальная купель никогда не помещалась ни в алтаре церкви, ни на селее, в каком бы смысле ни употреблять этот последний термин. Во-вторых, «сидячих купелей» для крещения взрослых людей не существовало. Более вероятно, что эта «купель» служила ванной. Можно допустить, что три северо-восточных помещения, открытые Н. И. Барминой, были епископским жилым комплексом. Базилика, крещальня, резиденция епископа и баня — тради-

ционный состав раннехристианской «епископской группы». Согласно обычаю, резиденция епископа размещалась рядом с церковью, а баня нередко располагалась вблизи крещальни, потому что крещаемый должен был предстать к обряду с чистым телом. Примером может служить широко известный и археологически детально исследованный комплекс Бл. Августина, епископа Гиппона (354-430).

Погребения

Раскопки базилики открыли множество погребений различных типов. Уже первые ее исследователи обнаружили множество могил «по бокам центрального нефа, в боковых нефах и в притворе». Среди них две смежные могилы, сложенные из камня с общей стенкой, которые относятся к типу цист, широко распространенных во всех регионах позднеримского мира, как на языческих, так и на христианских кладбищах. Из этой группы могил происходит надпись с именем Юстининана I [14, с. 74-75, рис. 112]. Похожая двойная гробница была открыта в Цандрипшской базилике юстиниановской эпохи в Абхазии [19, с. 151-158, рис. 46].

М. А. Тиханова идентифицировала три яруса христианских погребений, с ориентацией костяков на запад, с различным положением рук усопших и почти без вещей. В верхнем ярусе захоронения совершались в деревянных гробах, во втором сверху — в погребениях иногда встречались вещи [17, с. 350]. Ранние погребения, одновременные базилике или совершенные вскоре после ее строительства, находились у западной стены базилики. Они были произведены практически на скале, торцовые (восточные) стенки могил примыкали к стене базилики. Эти гробницы, сложенные из массивных плит или блоков, использовались неоднократно; немногочисленные археологические материалы из них датируются V-VI вв. [17, с. 361-363, рис. 30]. Захоронения, совершенные после разрушения базилики, были без вещей [17, с. 385].

Погребения, описанные М. А. Тихановой, являются типичной картиной христианских захоронений в церковном здании. Они часто совершались неоднократно в одной и той же могиле, когда церковь функционировала, а после ее разрушения все занятое ею пространство часто превращалось в кладбище.

Н. И. Бармина приводит общее количество погребений, выявленных за время раскопок Мангупской базилики: 87 гробниц и 482 грунтовых захоронения, в хронологических рамках от VI по XV вв. Гробницы разделены на пять групп: склепы, мавзолеи, каменные ящики, саркофаги и могилы, высеченные в скале. По мнению

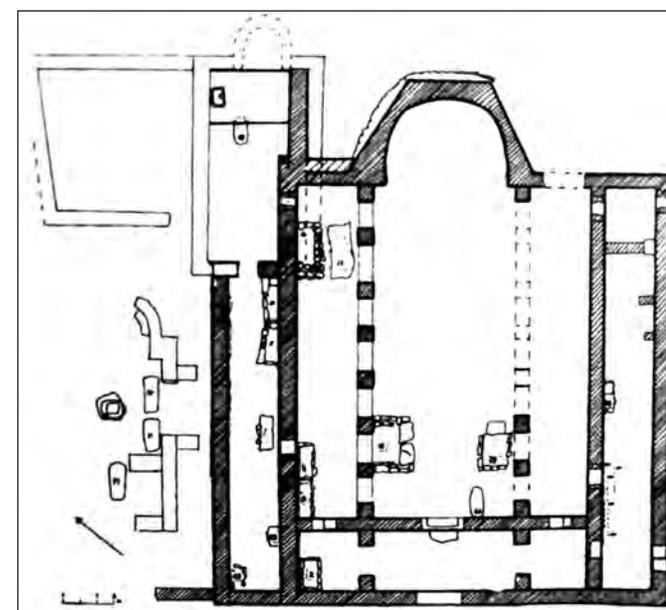

Рис. 16. План трехнефной базилики в первой фазе (по Н. И. Барминой)

исследователя, тип погребальной конструкции является хронологическим показателем [4, с. 12-13]. Н. И. Бармина предлагает следующую хронологию погребений. К первому этапу относятся «могильные сооружения» VI-VIII вв. в центральном нефе; в VIII в. появляются хазары и вместе с ними «новые гробницы в виде склепов». На втором этапе, не ранее IX в., строится «северо-восточный храм»; к этому периоду относятся «каменные ящики, выбитые в скале на глубине 1,0-1,2 м, внутри они были выложены каменной кладкой, у них каменные перекрытия. Во время третьего периода (X в.) строится большая базилика, начинается активное строительство новых гробниц типа «каменных ящиков» во всех ее частях, а также в «северо-восточном храме» и с внешних сторон базилики, кроме южной. «Очень многие из них для дальнейшего функционирования были превращены в костотеки, так называемые «мавзолеи». Четвертый период истории Мангупской базилики (вторая половина XIV в. — 1457 г.) характеризуется появлением новых видов погребальных сооружений — саркофагов, которые представляют собой «неглубокие могилы, вырубленные в скале, с поднятой кладкой стен под уровень второго пола базилики, с обязательными каменными, а, в некоторых случаях, резными надгробиями, которые датируются XIV в.» [4, с. 12-13].

Эта классификация и терминология основных типов погребальных сооружений базилики вызывают много вопросов. Выделено пять групп погребальных конструкций, а хронологических этапов только четыре. Это означает, что в каком-то периоде использовались два типа погребений. Какие и когда? Об этом не сказано. К первому этапу отнесены «могильные сооружения», однако, неясно, что это такое, и к какому из перечисленных выше типов они относятся. К пятой группе отнесены «могилы, высеченные в скале», но далее они не упомянуты ни в одном из хронологических периодов. К какому времени они относятся? Эта группа погребальных памятников хронологически должна быть самой поздней, однако, к последнему (четвертому) периоду истории базилики (второй половины XIV в. — 1457 г.) отнесены только «саркофаги», тоже вырубленные в скале, но «с поднятой кладкой стен». «Каменные ящики» встречаются и во втором, и в третьем периодах, однако каменные ящики третьего периода были превращены в «мавзолеи». Если мавзолей в обычном смысле слова означает наземное сооружение, которое может иметь и подземный уровень, неясно, какой смысл использовать этот термин на Мангупе? Так же неясен и смысл слова «саркофаг». Если имеется в виду его обычное значение («каменный или терракотовый ящик»), то на Мангупе это «могила, вырубленная в скале с поднятой кладкой стен». Что означает слово костотека для погребальной практики на Мангупе? Костница (славянский перевод слова «липсанотека») — термин, происходящий из монастырской практики Афона и монастырей афонской традиции. В них кости погребенных, освобожденные от мягких тканей, перезахоранивали в специальных помещениях — костницах. Но была ли Мангупская базилика монастырской церковью? И существовал ли в Крыму этот афонский обычай? Об этом мы пока не знаем. Скопление костей в христианских могилах — обычный случай, потому что часто захоронения в них совершались неоднократно, предыдущие костяки сдвигались, их анатомическое положение нарушалось. Но это не означает, что такие могилы были костницами.

Нетрадиционное употребление терминов в работе Н. И. Барминой, отсутствие четких описаний каждого типа погребальных конструкций и их иллюстраций — все это делает типологическую классификацию погребений Мангупской базилики непонятной. Еще менее ясны основания, на которых построена хронология могил. Если в погребениях был инвентарь, то где, какой и как он датируется? Если же его

не было, то каким образом классификация, столь неясная типологически и терминологически, может получить свое хронологическое обоснование?

В целом, маловероятно, чтобы типы христианских гробниц были напрямую связаны с их хронологией. Напротив, начиная с поздней античности и на протяжении всего средневековья в захоронениях христиан наблюдается широкая вариативность погребальных конструкций. Их типы и формы зависели от множества одновременно действующих факторов: природных условий, наличия тех или иных строительных материалов, местных традиций, статуса, материальных возможностей и личных вкусов погребенного лица, местоположения и характера церковного здания (церковь епископская, приходская, кладбищенская, маририальная, часовня и пр.). Нередки случаи, когда видные христиане, например, в Риме, в эпоху средневековья желали покоиться в саркофагах с языческими изображениями, которые устанавливались в церквях. Часто могильные конструкции использовались неоднократно, поэтому, даже если в могиле найден предмет, он не всегда датирует время ее появления. Тип христианской могилы никогда не был предметом нормирования, это лежало вне сферы представлений о бессмертии души. Поэтому выстроить единую хронологическую линию типов погребений, которые найдены в церквях или рядом с ними, по нашему мнению, едва ли возможно.

Хронология базилики

Уже начиная с раскопок Р. Х. Лепера, сложилось мнение о двух строительных периодах в истории базилики. Считается, что она была построена в VI в. и капитально перестроена во второй половине XIV в. или при владетеле Феодоро Алексее в 1425 г. К этому времени относятся шесть сохранившихся целиком восьмигранных колонн, высотой 2,2 м. Их Р. Х. Лепер видел лежащими; они принадлежали южному ряду опор [13, с. 148]. В это же время главный вход из нартекса в центральный неф был заложен. Поздняя фаза документирована «сельджукским» стилем в каменной резьбе несущих опор и наличников дверного проема главного входа, который теперь находился в южной стене [27, с. 209-212]. Раскопки М. А. Тихановой показали, что датировка базилики VI в. «находит себе полное подтверждение во всем материале раскопок территории базилики». Она предполагала наличие еще одного строительного периода, между VI и XIV вв. [17, с. 387]. Сходная точка зрения отражена в последней, посмертно изданной, работе А. Л. Якобсона, где повторены выводы из других его работ [29, S. 419-420].

К выводам А. Л. Якобсона и М. А. Тихановой о времени строительства базилики присоединился В. П. Кирилко: «Наиболее аргументированной является ранняя дата строительства храма. Она подтверждается не столько материалами археологического изучения церкви, сколько, прежде всего, стилистическими и конструктивными особенностями сооружения, имеющими близкие аналогии в раннесредневековом культовом строительстве». По его мнению, можно «выделить три явно выраженных строительных периода», которые датируются VI — началом VII вв., рубежом IX-X вв. и первой половиной XV в. [11, с. 92-97]. Ко второму периоду в данном случае относятся галереи и южная апсида.

С наличием трех строительных периодов в истории памятника можно согласиться, хотя второй период и не кажется «явно выраженным» в архитектурных остатках. Более вероятно, что обе галереи и южная апсида входили в первоначальный проект базилики. На планах базилики А. Л. Якобсона и М. А. Тихановой вся западная стена базиликального комплекса, включая стены нартекса и обеих галерей, составляет сплошную кладку, без швов между отдельными частями. Исследуя гробницы, рас-

положенные близ северной части западной стены базилики, М. А. Тиханова раскрыла эту стену полностью, до скалы. Ее наблюдения над техникой кладки и опубликованные фотодокументы свидетельствуют, что западная стена северной галереи не была отделена швом от основного объема. Кладка южной апсиды также составляет единое целое с кладкой центральной апсиды, что можно наблюдать и сейчас. По мнению В. П. Кирилко, Мангупская базилика является «своеобразным провинциальным преломлением» византийской архитектуры Херсонеса. На мой взгляд, в ней мы видим характеристики, которые не позволяют безоговорочно включить ее в группу базилик Херсонеса, такие, как трехгранная апсида, литургическое устройство алтарной части, пластический декор из местного камня и, очень возможно, трехапсидная структура алтаря.

Н. И. Бармина предложила собственную версию строительной истории памятника, которая, с заметными различиями, отражена в ее публикациях. В статье 2008 г. единственный раз ею были опубликованы чертежи комплекса, с реконструкциями по строительным периодам. Исследователь выделяет пять периодов истории базилики. В первом периоде были построены однефный храм и крещальня, раскопанная М. А. Тихановой [5, ил. 4]. Этот однефный храм возведен на рубеже V-VI вв. Во втором периоде на участке к востоку от крещальни был сооружен «северо-восточный храм» [5, ил. 5]. В третьем периоде, не ранее конца IX — начала X вв., к однефной церкви первого периода добавлены боковые нефы и, таким образом, появилась трехнефная базилика. Четвертый период длился с X по XV вв., в это время неоднократно велись ремонты памятника. Пятый период начинается после взятия Мангупа турками в 1475 г. В это время проводится частичная реконструкция южного нефа базилики, «именно сюда перенесли апсиду северо-восточного храма в качестве его алтаря» (смысл этой фразы нам непонятен), появился декор в виде сталактитов. К началу XVI в. базилика пришла в окончательный упадок [2, с. 21-28; 5, с. 309-312]. Со своей стороны отметим, что небольшое квадратное в плане помещение, расположенное к востоку от крещальни, раскопанной частично М. А. Тихановой, присутствует только на обмерном плане [5, ил. 3], но о нем ничего не говорится. На планах-реконструкциях оно не появляется, и поэтому неизвестно, к какому периоду оно относится.

В работах Н. И. Барминой излагаются только выводы о хронологии комплекса, но не их аргументы. Ключевой момент всей эволюции базилики — перестройка однефной церкви в трехнефный храмовый комплекс в IX в. Какими фактами это подтверждается?

Главное доказательство того, что один элемент пристроен к другому — это наличие швов, обычно хорошо видимых, потому что раствор швов выветривается и приложенные элементы заметно «отходят» от основного объема. В Мангупской базилике поперечные стены боковых нефов базилики примыкают к центральному объему (самой древней постройке комплекса, по мнению Н. И. Барминой) в четырех местах: в двух случаях в восточной части храма, еще в двух — в западной. Однако на обоих общих чертежах, обмерном плане и плане-реконструкции, опубликованных автором многолетних раскопок, нет ни одного шва из этих четырех [5, ил. 3, 6]. Вполне доказательным было бы подтверждение наличия швов между фундаментами продольных стен центрального нефа и торцовых стен боковых нефов. Это можно было бы установить с помощью шурфов в местах стыков названных стен. Однако эти данные отсутствуют.

Обмерный чертеж Н. И. Барминой не подтверждает принадлежность центрального нефа и боковых нефов базилики к разным историческим эпохам и в другом аспекте. У

разновременных, по ее мнению, стен видим одинаковую строительную технику, тогда как на протяжении нескольких столетий она менялась, что должно было бы найти отражение на чертежах. Осмотр базилики на месте позволяет сделать вывод, что все нижние части базилики представляет собою единый мощный каркас, где центральное ядро, боковые нефы, нартекс и боковые галереи составляют единое целое.

Интерпретация некоторых особенностей строительной техники базилики вызывает сомнения. Например: «Нижняя кладка северного стилобата была шире верхней на 15-18 см» [2, с. 24]. Что означают эти «нижняя» и «верхняя» кладки стилобата? Нет описания кладок, цифровых данных о соотношениях их по высоте, разреза стилобата, фотографий и иллюстраций. Как соотносятся уровни «нижней» и «верхней» кладок со значимыми реперами, такими, как уровень порога западного входа в центральный неф, уровни раннего и позднего полов? Некоторое уточнение внимательный и терпеливый читатель найдет в другой работе Н. И. Барминой: «Была открыта кладка, выше которой впоследствии появился северный стилобат» [5, с. 309]. Становится ясно, что эти «нижняя» и «верхняя» кладки северного стилобата — базовый аргумент капитального пункта авторской концепции Н. И. Барминой о том, что на северной стене ранней однефной церкви спустя несколько столетий был воздвигнут стилобат северного ряда опор новой, уже трехнефной, базилики.

В этом случае имеет место явная ошибка интерпретации: «нижняя кладка» была принята за стену более древнего сооружения. В действительности же здесь наблюдается обычный технический прием усиления стилобата за счет уширения его основания. Строительная площадка базилики имеет уклон к северу — об этом сообщает М. А. Тиханова. Поэтому северный стилобат получил расширение, которое имеет вид выступающего цоколя, шириной 15-18 см (неизвестно, выступал ли этот цоколь с двух сторон, или только с одной, северной). Аналогичный строительный прием я наблюдала в Цандрипшской базилике иustinianовской эпохи, расположенной на берегу моря. Там рельеф естественно понижается к югу, в сторону моря. Зная это, строители в самом начале работ расширили посредством цоколя нижнюю часть фундамента апсиды, с уязвимой южной стороны. С северной стороны, более безопасной, фундамент апсиды такого расширения не имел. Кроме того, шурфы показали, что глубина фундамента южного конца апсиды составляла 2,15 м, а северной — только 1,8 м; южный стилобат был ниже северного на несколько сантиметров [19, с. 160].

Рассмотрим еще один сомнительный аргумент в пользу того, что трехнефная базилика была построена на остатках более ранней однефной церкви: «Трехгранная апсида была поставлена на фундамент, имеющий форму полукруга» [5, с. 309]. И в этом случае строители базилики использовали обычный прием: полигональная апсида строится на полуциркульном фундаменте, потому что это более устойчивая форма. На этом свойстве основан принцип строить мощные круглые башни в самых уязвимых местах оборонительной системы. На обмерном плане Н. И. Барминой видим иррегулярную линию полуциркульной апсиды — свидетельство того, что это был фундамент, скрытый под землей, а не наземная часть апсидной стены, которая имела бы правильную форму [5, ил. 3].

В Абхазии известно три примера церквей, где полигональная апсида была выведена на полуциркульном фундаменте. Это Цандрипшская базилика, базилика в Себастополисе (обе — ранневизантийского времени) и раннесредневековая церковь Аба-ата, в которой нижняя часть стен была выстроена в виде ступенчатого цоколя полуциркульной формы, апсида же была граненой [19, с. 160, рис. 38; 30, р. 63, 133, pl. 33, 38,d, 100,a,d]. Приведу пример известного памятника из западной части хри-

стианского мира. Долгое время считалось, что баптистерий епископской базилики Сан Джованни ин Латерано в Риме построен в константиновскую эпоху круглым в плане, а в V в. он был перестроен и приобрел октогональный план, и в этом виде существует до сих пор. Масштабное археологическое исследование субструкций Латеранского комплекса показало, что баптистерий изначально был октогоном, возведенном на круглом фундаменте [22, с. 546].

«Хазарская гробница»

Еще один аргумент, нуждающийся в отдельном рассмотрении — две гробницы (№№ 16 и 17), которые имеют, по мнению Н. И. Барминой, важное датирующее значение. «Это глубокие (до 2 м) овальной формы ямы, вырубленные в скале, с двумя ярусами перекрытия и тщательно выполненным изголовьем в виде «подушки»; обе гробницы ориентированы в направлении юго-запад — северо-восток» [5, с. 309, 311, илл. 5]. Эти гробницы показаны на плане первого строительного периода, на участке, примыкающем с севера к первоначальной, по мнению автора, однонефной церкви. Рядом с гробницей № 16 открыто погребение задней части лошади. Гробница № 16 определена как хазарская, потому что сооружение таких склепов «характерно для кочевников». Далее предполагается такое развитие событий. Во втором строительном периоде южная стена «северо-восточного храма» перекрыла гробницу № 16. В третьем строительном периоде однонефный храм перестраивается в трехнефную базилику, и ее северная стена перекрывает нижний ярус гробницы № 16; на хазарской гробнице строят христианскую [4, с. 12; 5, с. 309, 311, илл. 5]. Из этого сделан вывод, что перекрывшая хазарскую гробницу стена базилики должна относиться к более позднему времени, поэтому Н. И. Бармина и датирует базилику IX в.

К сожалению, эти гробницы, играющие столь существенную роль в истории комплекса, показаны только в мелком масштабе на трех планах, общем обмерном и планах-реконструкциях первого и второго периодов [5, илл. 3-5]. Нет ни разрезов гробниц, ни их фотографий. Хронологическое построение, в основании которого лежит гробница № 16, вызывает ряд вопросов. По каким признакам эта гробница определена как хазарская? Ни о наличии костяка, ни о его положении, ни об инвентаре нет никаких упоминаний. Могильная яма, высеченная в скале и ориентированная на юго-запад, могла быть и христианской. Каменное изголовье — характерная черта раннехристианских захоронений, например, на Балканах и в Греции. Эта конструктивная особенность была заимствована христианами из языческой практики; места она сохранялась и в эпоху средневековья. Ближайший пример — Цандрипшская базилика VI в., в которой почитаемая гробница в южном нефе, глубиной 0,99 м, имела повышение в области головы [19, с. 144, рис. 41].

Независимо от того, была ли гробница № 16 хазарской или нет, северная стена базилики ее не перекрывала, следовательно, гробница не является хронологическим индикатором. На обоих планах, обмерном и реконструированном, которые опубликовала Н. И. Бармина, ясно видно, что гробница находится внутри северного нефа, примыкая к его северной стене (рис. 15-16). Таким образом, аргумент «хазарской гробницы» снимается. Что же касается захоронения задней части животного, то оно было найдено не в гробнице, а близ нее и неясно, каким образом это животное связано с захоронением в гробнице № 16? В любом случае, останки этого животного не могут служить основанием, на котором строится хронология базилики. В хазарский период, когда церковь стояла разрушенной, на ее территории действительно могли совершаться не христианские захоронения, однако они не имеют отношения к строительной истории базилики.

В более поздней своей публикации Н. И. Бармина еще раз изменила свою точку зрения на хронологию базилики, которая сейчас предстает следующим образом. Первоначально на месте будущего базиликального комплекса строится однонефный храм и крещальня. С приходом хазар «процесс утверждения христианства не был остановлен, о чем свидетельствует появление однонефного северо-восточного храма и перестройка старой крещальни». «В конце XIII — начале XIV вв. Готская епархия получает статус митрополии. Благодаря этому на Мангупе формируется большой базиликальный ансамбль. В начале XV в. на месте комплекса в южном нефе возникает небольшой однонефный храм. Стилобат был использован в качестве основания под каменные восьмигранные столбы» [7, с. 10-12]. Таким образом, Мангупская базилика получает новую дату строительства — конец XIII — начало XIV вв. Плана этой последней, ранее неизвестной церкви, нет. У читателя, которому еще раз предложены новые выводы, но без аргументов, возникает только один вопрос: если базилика была превращена в «небольшой однонефный храм», то где в нем стояли «каменные восьмигранные столбы»?

Заключение

Дата строительства Мангупской трехнефной базилики в пределах VI в., скорее всего, в эпоху Юстиниана I, предложенная свыше 100 лет назад Р. Х. Лепером, подержанная и обоснованная А. Л. Якобсоном и М. А. Тихановой, представляется нам вполне убедительной. Дата поздней фазы трансформации памятника, в первые десятилетия XV в., подтверждается наличием выразительных элементов «сельджукского» архитектурного стиля. Средний этап истории базилики, IX-X вв., лучше всего представлен в архитектурном декоре.

Долгая история изучения Мангупского комплекса позволяет поставить вопрос о критериях хронологической классификации памятников византийской архитектуры в Крыму. Могут ли служить такими критериями особенности строительной техники? Существует ли четкая эволюция типов могильных конструкций — «саркофагов», «мавзолеев» и «костотек» и пр.? Какую роль играют в этих вопросах археологические материалы? Насколько важен пластический архитектурный декор?

Возможности изучения Мангупской базилики далеко не исчерпаны. Перспективным является изучение музейных и архивных фондов. Согласно новым исследованиям В. Е. Науменко и других авторов, «изучение археологических материалов из раскопок Р. Х. Лепера на Мангупе, хранящихся в архивах и фондах музеев Севастополя, Бахчисарая и Санкт-Петербурга, находится еще на начальном этапе» [16, с. 313-321]. В 1967 г. Н. И. Барминой «было поручено привести базилику в экспонируемое состояние» [5, с. 308]. К счастью, работы по консервации и реставрации базилики еще не проведены, это означает, что памятник «жив», и его изучение может быть завершено. Остается закончить раскопки баптистерия М. А. Тихановой, полностью раскрыть восточный фасад базилик, выяснить вопрос о наличии северной боковой апсиды; с помощью шурфов и полноценных раскопок снять многие неясные и спорные вопросы. Необходимо создание полного пакета обмерной документации⁵, который включал бы план, продольный и поперечный разрезы с видом на обе стороны, обмеры фасадов и деталей. Очень желательно было бы составить каталог мангупской коллекции архитектурных деталей в Бахчисарайском музее-за-

⁵ Я не останавливаюсь здесь на том, что на чертежах, опубликованных Н. И. Барминой, есть ряд несоответствий в изображении одних и тех же элементов на разных планах. Это касается размеров апсиды первого, по ее мнению, однонефного храма, положения заплечиков трехнефной базилики и кладки, примыкающей к северному заплечнику с востока, положения южной стены «храма В» и др.

поведнике. Крайне важной была бы публикация материалов раскопок Н. И. Барминой, которая сделала бы очевидным ее большой вклад в изучение этого сложного и важного для истории Мангупского городища памятника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бармина Н. И. К изучению Мангупской базилики (история исследования) // АДСВ. 1975. Вып. 11. С. 30-40.
2. Бармина Н. И. Контуры перемен. Мангупский памятник в контексте истории крымского средневековья // АДСВ. 2002. Вып. 33. С. 21-28.
3. Бармина Н. И. Декоративное убранство крымских базилик в культурно-историческом контексте // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 113-122.
4. Бармина Н. И. Датировка погребальных памятников Мангупской базилики // Религия в жизни человека и общества. Тезисы докладов и сообщений X Международной Крымской конференции по религиоведению. Севастополь, 2008. С. 12-13.
5. Бармина Н. И. Этапы жизни Мангупской базилики // ТГЭ. Т. 42. Византия в контексте мировой культуры. К 100-летию со дня рождения А. В. Банк (1906-1894). СПб.: Гос. Эрмитаж, 2008. С. 305-313.
6. Бармина Н. И. Археологическое изучение Мангупской базилики в 1850-1930-е гг. (источниковедческий аспект) // АДСВ. 2009. Вып. 39. С. 409-422.
7. Бармина Н. И. Сакральное пространство Мангупской базилики // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений. Бахчисарай, 2012. С. 10-12.
8. Герцен А. Г., Иванова О. С., Науменко В. Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): III горизонт застройки (середина IX — начало X вв.) // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 240-295.
9. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Три программы археологического изучения Мангупа // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений. Бахчисарай, 2012. С. 24-25.
10. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Корзюк Д. В., Лавров В. В., Смекалова Т. Н., Шведчикова Т. Ю., Чудин А. В. Результаты комплексных исследований Мангупского городища и его окружи в 2015 г. // КСИА. 2016. Вып. 243. С. 127-147.
11. Кирилло В. П. Византийская архитектура Мангупа // Археология Крыма. Симферополь, 1997. Т. I. С. 89-97.
12. Кленина Е. Ю. Уваровская базилика (№ 23) // Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2004. С. 71-75.
13. Лепер Р. Х. Археологические исследования в Мангупе в 1912 году (предварительное сообщение) // ИАК. 1913. Вып. 47. С. 73-79, 146-154.
14. ОАК за 1913-1915 гг. Петроград, 1918. С. 72-84.
15. ОАК за 1890 год. СПб., 1893. С. 1-110.
16. Науменко В. Е., Душенко А. А. К истории археологического изучения Мангупа. Раскопки Р. Х. Лепера в 1912-1914 гг. (по материалам коллекции Государственного Эрмитажа) // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 313-321.
17. Тиханова М. А. Базилика // МИА. 1953. № 34. Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). С. 334-389.
18. Уваров А. С. Несколько слов об археологических разысканиях в окрестностях Симферополя и Севастополя // ПроPILEI. Сборник статей по классической древности. М.: Университетская типография, 1854. Кн. 4. С. 525-537.
19. Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. IV-VII века. М.: Наука, 2002. 500 с.
20. Хрушкова Л. Г. Полы *opus sectile* в Восточном Причерноморье, Крыму, Киеве: византийский контекст // ТГЭ. Т. LXV. Первые каменные храмы Древней Руси. Материалы архитектурно-археологического семинара. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2012. С. 34-59.
21. Хрушкова Л. Г. Базилика в Партенитах (Южный Крым): мог ли быть в ней похоронен епископ Иоанн Готский? // Климентовский Сборник. Материалы VI Международной конференции «Церковная археология: Херсонес — город святого Климента». Севастополь, 2013. С. 384-408.
22. Хрушкова Л. Г. Христианская, церковная и византийская археология: историография XV — начала XXI вв. // Введение в историю Церкви. Ч. 2. Обзор историографии по общей истории Церкви. СПб.: Алетейя, 2015. С. 446-686.
23. Хрушкова Л. Г. Византийская архитектура Херсонеса Таврического: история изучения, методы и результаты // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2016. Вып. 6. С. 9-46.
24. Хрушкова Л. Г. Епископская базилика Херсонеса Таврического: методы изучения, результаты, современный взгляд // Владимирский Сборник. Материалы международных научных конференций «I и II Свято-Владимирские чтения». Калининград, 2016. С. 327-435.
25. Хрушкова Л. Г. Ранневизантийские капители и другие элементы архитектурного декора из Юго-Западного Крыма // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2016. Т. 2(68), № 2. С. 137-162.
26. Хрушкова Л. Г., Симонов В. В. Археологические и эпиграфические источники // Введение в общую историю Церкви. Ч. 1. Обзор источников по общей истории Церкви. М.: Изд-во Московского ун-та, 2012. С. 568-683.
27. Якобсон А. Л. Из истории раннесредневековой архитектуры в Крыму. II. Мангупская базилика // СА. 1940. № 6. С. 205-226.
28. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63. 362 с.
29. Jakobson A. Krim // Reallexikon zur byzantinische Kunst. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1995. Bd. V. Sp. 375-439.
30. Khrushkova L. G. Les monuments chrétiens de la côte orientale de la mer Noire. Abkhazie. IVe-XIVe siècles. Turnhout: Brepols, 2006. 340 p. (Bibliothèque de l'Antiquité Tardive, 9).
31. Khrushkova L. G. Krim // Reallexikon für Antike und Christentum. 2007. Bd. XXII. Sp. 75-125.
32. Khrushkova L. G. Geschichte der Christlichen Archäologie in Russland vom 18. bis ins 20. Jahrhundert (3. Folge) // Römische Quartalschrift. 2012. Band 107, 3-4. S. 202-248.
33. Khrushkova L. G. Quelques chapiteaux protobyzantins inédits du Sud-Ouest de la Crimée // Mélanges Jean-Pierre Caillet / Éd. M. Jurković. Zagreb-Motovun, 2013. P. 85-94.
34. Khrushkova L. The Bishop's Basilica (Uvarov's) of Chersonesos in the Crimea. The Modern View after a Century and a Half of Study // Archaeologia Bulgarica. 2017. XXI, 2. P. 27-78.
35. Mathews Th. F. The Early Churches of Constantinople: Architecture and Liturgy. University Park — London: The Pennsylvania State University Press, 1971. 194 p.

REFERENCES

1. Barmina N. I. K izucheniiu Mangupskoi baziliki (istoriia issledovaniia). *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 1975, vol. 11, pp. 30-40.
2. Barmina N. I. Kontury peremen. Mangupskii pamiatnik v kontekste istorii krymskogo srednevekov'ia. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 2002, vol. 33, pp. 21-28.
3. Barmina N. I. Dekorativnoe ubranstvo krymskikh bazilik v kul'turno-istoricheskom kontekste. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 2003, vol. 34, pp. 113-122.
4. Barmina N. I. Datirovka pogrebal'nykh pamiatnikov Mangupskoi baziliki. *Tezisy dokladov i soobshchenii X Mezhdunarodnoi Krymskoi konferentsii po religiovedeniiu «Religiia v zhizni cheloveka i obshchestva»*, Sevastopol', 2008, pp. 12-13.
5. Barmina N. I. Etapy zhizni Mangupskoi baziliki. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, S-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2008, T. 42, pp. 305-313.
6. Barmina N. I. Arkheologicheskoe izuchenie Mangupskoi baziliki v 1850-1930-e gg. (istochnikovovedcheskii aspekt). *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 2009, vol. 39, pp. 409-422.
7. Barmina N. I. Sakral'noe prostranstvo Mangupskoi baziliki. *Tezisy dokladov i soobshchenii I Bakhchisaraiskikh nauchnykh chtenii pamiatii E. V. Veimarna*, Bakhchisarai, 2012, pp. 10-12.
8. Gertsen A. G., Ivanova O. S., Naumenko V. E. Arkheologicheskie issledovaniia v raione tserkvi Sv. Konstantina (Mangup): III gorizont zastroiiki (sередина IX — nachalo X vv.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavri*, Simferopol, 2010, vol. XVI, pp. 240-295.

9. Gertsen A. G., Naumenko V. E. Tri programmy arkheologicheskogo izucheniia Mangupa. *Tezisy dokladov i soobshchenii I Bakhchisaraiskikh nauchnykh chtenii pamiati E. V. Veimarna*, Bakhchisarai, 2012, pp. 24-25.
10. Gertsen A. G., Naumenko V. E., Dushenko A. A., Korziuk D. V., Lavrov V. V., Smekalova T. N., Shvedchikova T. Iu., Chudin A. V. Rezul'taty kompleksnykh issledovaniy Mangupskogo gorodishcha i ego okrugii v 2015 g. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii RAN*, Moscow, 2016, vol. 243, pp. 127-147.
11. Kirilko V. P. Vizantiiskaia arkhitektura Mangupa. *Arkheologiya Kryma*, Simferopol, 1997, T. I, pp. 89-97.
12. Klenina E. Iu. Uvarovskaia bazilika (№ 23). *Rannevizantiiskie sakral'nye postroiki Khersonesa Tavricheskogo*, Poznań, Wydawnictwo Poznańskie, 2004, pp. 71-75.
13. Löper R. Kh. Arkheologicheskie issledovaniia v Mangupe v 1912 godu (predvaritel'noe soobshchenie). *Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii*, 1913, vol. 47, pp. 73-79, 146-154.
14. *Otchet Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii za 1913-1915 gg.* Petrograd, 1918, pp. 72-84.
15. *Otchet Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii za 1890 god.* S-Petersburg, 1893, pp. 1-110.
16. Naumenko V. E., Dushenko A. A. K istorii arkheologicheskogo izucheniia Mangupa. *Raskopki R. Kh. Löpera v 1912-1914 gg. (po materialam kollektzii Gosudarstvennogo Ermitazha). XVII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Issledovatel' i issledovaniia*, Kerch, 2016, pp. 313-321.
17. Tikhanova M. A. Bazilika. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1953, No. 34, pp. 334-389.
18. Uvarov A. S. Neskol'ko slov ob arkheologicheskikh razyskaniakh v okrestnostiakh Simferopolia i Sevastopolia. *Propilei. Sbornik statei po klassicheskoi drevnosti*, Moscow, Universitetskaiia tipografiia Publ., 1854, Book 4, pp. 525-537.
19. Khrushkova L. G. *Rannekhristianskie pamiatniki Vostochnogo Prichernomor'ia*. IV-VII veka. Moscow, Nauka Publ., 2002, 500 p.
20. Khrushkova L. G. Poly opus sectile v Vostochnom Prichernomor'e, Krymu, Kieve: vizantiiskii kontekst. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, S-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2012. T. LXV, pp. 34-59.
21. Khrushkova L. G. Bazilika v Partenitakh (Iuzhnyi Krym): mog li byt' v nei pokhoronen episkop Ioann Gotskii? *Klimentovskii Sbornik. Materialy VI Mezhdunarodnoi konferentsii «Tserkovnaia arkheologiya: Khersones — gorod sviatogo Klimenta»*, Sevastopol, 2013, pp. 384-408.
22. Khrushkova L. G. Khristianskaia, tserkovnaia i vizantiiskaia arkheologiya: istoriografiia XV — nachala XXI vv. *Vvedenie v istoriiu Tserkvi. Part 2. Obzor istoriografii po obshchei istorii Tserkvi*, S-Petersburg, Aleteia Publ., 2015, pp. 446-686.
23. Khrushkova L. G. Vizantiiskaia arkhitektura Khersonesa Tavricheskogo: istoriia izucheniia, metody i rezul'taty. *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury*, 2016, vol. 6, pp. 9-46.
24. Khrushkova L. G. Episkopskaia bazilika Khersonesa Tavricheskogo: metody izucheniia, rezul'taty, sovremennii vzgliad. *Vladimirskii Sbornik. Materialy mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsii «I i II Sviato-Vladimirskie chteniia»*, Kaliningrad, 2016, pp. 327-435.
25. Khrushkova L. G. Rannevizantiiskie kapiteli i drugie elementy arkhitekturnogo dekora iz Iugo-Zapadnogo Kryma. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Istoricheskie nauki»*, 2016, T. 2(68), No. 2, pp. 137-162.
26. Khrushkova L. G., Simonov V. V. Arkheologicheskie i epigraficheskie istochniki. *Vvedenie v obshchuiu istoriiu Tserkvi. Part 1. Obzor istochnikov po obshchei istorii Tserkvi*. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2012, pp. 568-683.
27. Iakobson A. L. Iz istorii rannesrednevekovoi arkhitektury v Krymu. II. Mangupskaia bazilika. *Sovetskaia arkheologiya*, 1940, No. 6, pp. 205-226.
28. Iakobson A. L. Rannesrednevekovyi Khersones. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1959, No. 63, 362 p.
29. Jakobson A. Krim. *Reallexikon zur byzantinische Kunst*, Stuttgart, Anton Hiersemann Publ., 1995, Bd. V, Sp. 375-439.

30. Khrushkova L. G. *Les monuments chrétiens de la côte orientale de la mer Noire. Abkhazie. IVe-XIVe siècles*. Turnhout, Brepols Publ., 2006, 340 p. (Bibliothèque de l'Antiquité Tardive, 9).
31. Khrushkova L. G. Krim. *Reallexikon für Antike und Christentum*, 2007, Bd. XXII, Sp. 75-125.
32. Khrushkova L. G. Geschichte der Christlichen Archäologie in Russland vom 18. bis ins 20. Jahrhundert (3. Folge). *Römische Quartalschrift*, 2012, Band 107, 3-4, pp. 202-248.
33. Khrushkova L. G. Quelques chapiteaux protobyzantins inédits du Sud-Ouest de la Crimée. Jurković M. (Ed.), *Mélanges Jean-Pierre Caillet*, Zagreb-Motovun, 2013, pp. 85-94.
34. Khrushkova L. The Bishop's Basilica (Uvarov's) of Chersonesos in the Crimea. The Modern View after a Century and a Half of Study. *Archaeologia Bulgarica*, 2017, XXI, 2, pp. 27-78.
35. Mathews Th. F. *The Early Churches of Constantinople: Architecture and Liturgy*. University Park, London, The Pennsylvania State University Press, 1971, 194 p.

Хрушкова Л. Г.

К дискуссии о времени строительства Мангупской базилики

Резюме

Большая базилика на плато Мангуп в Юго-Западном Крыму — самый крупный памятник византийской архитектуры вне Херсонеса. Она изучается на протяжении свыше столетия, начиная с раскопок Р. Х. Лопера в 1913 г. Следующим этапом стали раскопки М. А. Тихановой в 1938 г. В рамках исследовательских программ Мангупской археологической экспедиции (руководитель — А. Г. Герцен), созданной в 1967 г., изучение базилики ведет Н. И. Бармина. Материалы ее раскопок (1967-2005) пока не опубликованы, известны лишь выводы, изложенные в нескольких кратких публикациях, почти без иллюстраций.

Мангупская базилика размерами 31,5x26,2 м имеет три нефа, разделенные шестью парами опор, нартекс и галереи с южной и северной сторон. Важный вопрос о плане восточной части базилики неясен. Центральная апсида имела, вероятно, трехгранную форму. Сохранилась южная полуциркулярная апсида; очень вероятно, что первоначально существовала и северная апсида, в настоящее время северо-восточный угол базилики перестроен. С северной стороны от базилики расположен прямоугольной в плане баптистерий, с крестовидной купелью в центре. Баптистерий сообщался с северной галереей базилики с помощью широкого дверного проема в его южной стене. В первой фазе базилика была украшена мрамором из Проконнеса; капители и другие элементы декора являются подражанием проконнесским изделиям. Найдены также различные детали декора из местного камня, которые относятся к двум периодам: IX-X вв. и XIV-XV вв.

Мнения о времени строительства трехнефной базилики и ее последующих перестройках различны. На мой взгляд, наиболее убедительна точка зрения, согласно которой базилика с баптистерием была построена в юстиниановскую эпоху (Р. Х. Лепер, М. А. Тиханова, А. Л. Якобсон, В. П. Кирилко). Базилика дважды пережила перестройки: первую в IX или X вв. и вторую — в первых десятилетиях XV в. Н. И. Бармина предложила иную хронологию, согласно которой трехнефная базилика была построена или в IX в. или в конце XIII — XIV вв. Однако это предположение не подтверждается ни анализом архитектурных остатков, ни археологическими материалами, ни характером скульптурного декора.

Раскопки Мангупской базилики не завершены: не раскопан баптистерий, не выяснен план восточной части. Материалы архивов и музеев Севастополя, Бахчисарая и Санкт-Петербурга изучены лишь частично. После завершения исследования будут проведены работы по консервации и реставрации базилики.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, Мангупское плато, трехнефная базилика, раскопки, хронология, дискуссии.

Khrushkova L. G.

On the Discussion about the Time When the Mangup Basilica Was Constructed

Summary

The big basilica on the plateau of Mangup in the south-western Crimea is the largest monument of Byzantine architecture located outside Chersonese. Its studies lasted for over a century, starting with R. H. Löper's excavation in 1913, continuing with M. A. Tikhanova's excavation in 1938. The

framework of the program of researches by the Mangup Archaeological Expedition (supervised by A. G. Gertsen) established in 1967 includes the study of the basilica conducted by N. I. Barmina. The excavations materials (1967–2005) have not yet been published, except for the conclusions in several brief publications, almost without illustrations.

The Mangup basilica, 31.5x26.2 m in size, comprises a nave and two aisles separated by six pairs of pillars, a narthex, and galleries at the south and the north. The ground plan of the eastern part of the basilica remains unclear. The central apse was probably triangular. The southern semi-circular apse survived; it is very likely that the northern apse also existed, but now the northeast corner of the basilica is rebuilt. On the northern side of the basilica is a rectangular baptistery, with a cruciform font in the centre. The baptistery communicated with the northern gallery of the basilica via wide doorway in its southern wall. At the first stage, the basilica was adorned with marbles from the Prokonnesos; its capitals and other decorative elements imitated Prokonnesian ware. Among the finds there also were various decorative details of local stone, dating from the ninth and tenth or the fourteenth and fifteenth centuries.

There are different interpretations of the chronology of these three-nave basilica and its subsequent reconstructions. In my opinion, the most convincing point of view is that the basilica with the baptistery was built in the Justinian era (R. H. Leper, M. A. Tikhanova, A. L. Yakobson, V. P. Kirilko). The basilica was reconstructed two times, in the ninth or tenth century and, second, in the first decades of the fifteenth century. N. I. Barmina suggested an alternative chronology, with the building of the three-nave basilica in the ninth or in the late thirteenth and fourteenth centuries. However, this assumption is not confirmed neither by the analysis of architectural remains, nor by archaeological materials, or by the character of the sculptural decor.

The excavations of the Mangup basilica have not finished yet: the baptistery remains unexcavated, the ground plan of the eastern part has not been discovered. The materials of the archives and museums of Sevastopol, Bakhchisarai, and St. Petersburg are only partially studied. After the completion of the research, there will be works on the conservation and restoration of the basilica.

Keywords: South-Western Crimea, Mangup Plateau, three-nave basilica, excavations, chronology, discussions.

В. Ю. РАДОЧИН

НЕКОТОРЫЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАСКОПОК МАНГУПСКОГО ГОРОДИЩА¹

Первые исследования антропологических материалов из погребальных памятников Мангупа были проведены Г. Ф. Дебецом в 1949 г. [7]. Проанализировав известные ему находки из раскопок Эски-Кермена, Мангупа и Херсонеса, автор высказал мнение о взаимовлиянии различных этнических компонентов в формировании состава средневекового населения городских центров Юго-Западного Крыма. Г. П. Зиневич в монографии 1973 г. использовала материалы из раскопок Мангупской базилики, проводившихся в 1967-1969 гг. [9]. В публикации даны не только новые краниометрические данные, но и сделан сравнительный анализ с другими могильниками Юго-Западного Крыма, Украины, Поволжья, Болгарии, Северного Кавказа.

В 2001 г. была опубликована статья Н. И. Барминой и Д. Ю. Пономарева по итогам раскопок 1995 г. некрополя Мангупской базилики [4, с. 387-393]. В ней авторы дали характеристику антропологического материала из 67 погребений. По итогам исследований была установлена половозрастная структура, определены ростовые характеристики, а также рассмотрено распределение дегенеративно-деструктивных процессов среди населения Мангупа.

В настоящей работе вводится в научный оборот новый антропологический материал, полученный при раскопках Мангупской базилики в 2005 г.² Археологическая экспедиция проводилась силами Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (ныне — Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского), под руководством А. Г. Герцена. В составе экспедиции работала группа студентов Уральского государственного университета им. А. М. Горького, во главе с Н. И. Барминой. За время полевого сезона был исследован участок в северо-западной части центрального нефа базилики.

В ходе раскопок были обнаружены и исследованы 7 погребальных сооружений, получен антропологический материал, соотносящийся с 9 погребенными. К сожалению, сохранность полученного материала можно назвать плохой. В ряде случаев была необходима подготовительная реставрационная работа. Описание погребальных сооружений, находок и положения костей в могилах даны по публикации Н. И. Барминой [3, с. 267-277].

При исследовании материала использовались традиционные отечественные методики антропологических исследований в сочетании с зарубежными разработками и программами [11; 18; 19; 20]. Краниометрические измерения и описания проводились по методике, разработанной В. П. Алексеевым и Г. Ф. Дебецом [1]. Остеометрические

¹ Статья выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5156. 2017/БЧ по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты».

² Автор выражает признательность Н. И. Барминой, А. Г. Герцену и В. Е. Науменко за тщательно собранный и переданный для изучения материал.